Роман Злотников
Александр Золотько
Князь
ТРУБЕЦКОЙ

Роман Злотников

Князь Трубецкой

«Эксмо»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Князь Трубецкой / Р. В. Злотников — «Эксмо», 2015 — (Князь Трубецкой)

ISBN 978-5-699-84861-4

1812 год. Наполеоновское нашествие на Россию развивается вполне успешно для французов и их союзников. Вот-вот должна пасть древняя столица русского государства Москва. На поле битвы появляется новый полководец – князь Трубецкой. Он ведет на врага своих партизан, изящным взмахом офицерской шпаги направляя дубину народной войны. Даже самому Наполеону становится не по себе, а ведь он еще не знает, что в облике русского князя скрывается наш современник, подробно изучивший тактику и стратегию самого Бонапарта и владеющий методами ведения боевых действий XXI века…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84861-4

© Злотников Р. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Князь Трубецкой 6
Глава 01 9
Глава 02 22
Глава 03 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Роман Злотников, Александр Золотько
Князь Трубецкой

© Злотников Р., Золотько А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Князь Трубецкой

…Часовые прозевали свою смерть. Только-только они увлеченно обсуждали что-то, даже не понижая голосов, и вдруг умерли. Один – сразу. Лезвие сабли легко вошло между ребер и пробило сердце. Второму нож рассек горло, кричать он не мог, но несколько секунд, сползая на промерзшую землю, мог видеть, как его убийца спокойно, не прячась и не торопясь, движется к дому, в котором спали остальные члены банды.

Даже больно не было часовому, просто что-то обожгло горло, и слабость заставила опуститься вначале на колени, а потом лечь на бок. Потом часовой просто уснул.

Остальным бандитам повезло гораздо меньше.

Несколько раз стукнуло кресало, вспыхнул факел – тряпка, пропитанная жиром и намотанная на палку. Потом еще несколько факелов были зажжены от первого, и люди встали полукругом перед крыльцом избы.

Кони в сарае фыркали, но не пугались – привыкли и к огню, и к шуму. Даже мертвые тела хозяев хутора, лежащие тут же, возле стены на сене, лошадей не беспокоили. Животные привыкли к войне и смертям.

Дверь была даже не заперта, бандиты чувствовали себя в безопасности – допустили обычную для бандитов и партизан ошибку. Это МЫ нападаем внезапно. Это НАС должны остерегаться и солдаты, и крестьяне. Мы решаем, кому жить, а кому…

Но сейчас жить им или умереть – решали вовсе не они.

Факела влетели в избу вместе с выбитыми окнами, упали на спящих вповалку на полу людей. Вскинувшиеся спросонья не поняли, что происходит: дым, пламя, боль от ожогов. У одного вспыхнули волосы.

Пожар!

Деревянные дома горят быстро, и тот, кто замешкается внутри, обречен на гибель.

– Наружу, – закричал кто-то, – наружу!

В дверях возникла давка, люди, не понимая, что происходит, толкали друг друга, кто-то сообразил выхватить нож – раздался вопль боли и ярости.

Огонь в доме добрался до оставленного в соломе пистолета – выстрел. И еще выстрел. Бандиты стали выбегать на двор. Им казалось, что они спаслись.

Им только казалось.

Первого приняли на штыки – два граненых стальных острия пробили одновременно сердце и легкие, подняли и швырнули тело в сторону, как сноп колосьев во время жатвы. И следующего. Третий увидел, что его ждут, закричал, метнулся в сторону, пытаясь спастись. Ему позволили добежать до угла избы, прежде чем саблей подсекли ноги. Быстрое, неуловимое движение клинка, режущего жилы под коленями, и удар по шее, в основание черепа.

Почти никто из бандитов не взял с собой оружия. Не успели – не до того было, все спасались от огня. И теперь умирали безоружными. Кто-то пытался защититься голыми руками, подставляя их под удары штыков, режа пальцы о лезвия сабель, закрывая головы ладонями, словно могли отразить удар кованого мушкетного приклада.

Те, кто оружие все-таки взял, тоже умирали. Их не вызывали на поединок, не предлагали честного боя один на один. Как только кто-то из них взмахивал саблей, сразу несколько клинков поражали его в грудь, в лицо, в живот.

Падавшего добивали.

Тех, кому все-таки повезло, добивали одним точным ударом. Но таких было немного.

Сабли и штыки рвали, секли, полосовали человеческую плоть. Кричали раненые, хрипели умирающие. Кровь заливала землю перед крыльцом.

Один из бандитов, судя по одежде и оружию – предводитель, умудрился отскочить к избе, прижаться спиной к бревнам, держа перед собой саблю в вытянутой руке. В левой он держал пистолет.

Предводитель пытался выстрелить – пистолет дал осечку.

Но в рукопашной схватке опытный человек не бросает даже разряженное оружие. Им можно отвести удар сабли противника, можно швырнуть в лицо, чтобы отвлечь внимание и достать все-таки, хоть одного… дотянуться…

– Кто у вас старший? – прохрипел бандит. – Выходи, если не трус…

Бандит был уверен в себе. Он задыхался от ярости, понимал, что все, что из этого хутора он не уйдет, что так и останется возле этой бревенчатой стены, но он хотел умереть в бою. Ему нужен был шанс.

– Выходи! – срываясь на визг, крикнул бандит. – Трус! Ничтожество!

Изба разгоралась, из окон вырывались рыжие языки пламени, освещая пространство перед домом: теперь предводитель бандитов мог рассмотреть тех, кто убил его людей и собирался отнять жизнь у него самого.

– Убью! – закричал предводитель. – Убью!

– Хорошо, – сказал один из тех, кто убивал бандитов. – Попробуй.

Предводитель захохотал, запрокинув голову и широко открыв рот. Да! Да! Этот расплатится за всех, подумал он со злобной радостью. Он подохнет здесь, даже если придется перегрызть ему глотку зубами.

– Ну, подходи… – Предводитель наклонился и присел, словно готовясь к прыжку. Или на самом деле собирался прыгнуть на своего врага, сбить его с ног и убить…

– Хорошо, – снова сказал убийца. – Ты можешь попытаться меня убить. Но за все нужно платить, да?

– Что ты хочешь? Чего ты еще хочешь от меня!

– Ты скажешь, куда ушли ваши остальные.

– Зачем мне это? Я ведь все равно подохну…

Выстрел. Убийца неуловимо быстро поднял левую руку с пистолетом, пуля ударила в бревно возле тела предводителя. Не возле головы, а на уровне живота.

– Ты можешь подохнуть с пулей в брюхе. А можешь – как-нибудь иначе. Но быстро. Что выберешь?

– Я убью тебя, – сказал бандит.

– Но перед этим…

– Они ушли к реке. Там мост, а за ним деревня… Я не могу выговорить эти варварские названия… Что-то связанное с комарами. Там монастырь… Золота много, а защищать некому… – Бандит лязгнул зубами. – Достаточно? Теперь мы можем…

– Ты не соврал?

– Нет, конечно… Не соврал! Я сказал правду – почему это я один должен подыхать, а они… Нет, все поровну. И смерть тоже… И смерть! – Бандит бросился вперед, от противника его отделяло всего три или четыре шага… два прыжка…

– Умри!.. – Сабля взлетела к черному небу, взлетела, чтобы обрушиться на голову врага…

Выстрел – пуля ударила бандита в живот, швырнула на землю.

Боль. Дикая боль. И разочарование, и обида… Его обманули… Так нельзя… Это несправедливо…

Убийца подошел к нему, наклонился.

– Добьешь?.. – с надеждой спросил бандит и уже другим тоном, дрожащим голосом попросил: – Добей…

Убийца покачал головой.

– Будь ты проклят! – прохрипел бандит. – Будь ты проклят!

Убийца пожал плечами, словно соглашаясь, что умирающий имеет право на проклятие.

– Кто ты? – спросил бандит. – Имя… Я и в аду… в аду тебя достану… буду ждать…

– Князь Трубецкой, – наклонившись, сказал убийца. – Не забудешь? Князь Трубецкой.

Поднявшись в седло, князь оглянулся – бандит все еще был жив, сучил ногами и скреб пальцами замерзшую землю.

Жалости не было. Не было даже тени сострадания, даже такого, которое заставляет подарить врагу быструю смерть. Сейчас князь хотел одного.

Он хотел убивать.

Глава 01

Вначале звуки: далекие голоса, птичьи крики, скрип. Тряска, сильная тряска, тело раскачивается из стороны в сторону.

Потом – запахи. Сосновый лес. Похоже – утренний сосновый лес, влажный воздух, пропитанный запахом хвои. И резкий запах овчины. Еще запах чего-то, незнакомого, едкого… И запах лошадиного пота.

Похоже, его везут в телеге.

Странное ощущение, он последний раз ездил в телеге очень давно, еще в детстве. Захотелось приподнять голову, оглядеться, но он заставил себя лежать неподвижно. Даже глаз не открыл.

Может быть, ему стало страшно?

Он ведь уже пробовал пошевелить рукой, и у него ничего не получилось. Он даже не чувствовал своих рук, как, впрочем, и ног.

– Ты ведь понимаешь, что есть вариант, при котором ты окажешься заключенным в неподвижном теле, – сказал ему вечность тому назад Дед. – Может оказаться, что твое сознание просто не сможет управлять телом и ты будешь паралитиком. Может быть, даже слепоглухонемым паралитиком. И ничего тут нельзя поделать, нужно быть просто готовым принять это как данность, как вероятную угрозу…

– И просто умирать, – ответил он в тот раз. – А еще есть вероятность, что мое сознание окажется в том теле вместе с сознанием князя. И я стану шизофреником. Так ведь?

– Так, – согласился Дед.

– Но ведь возможно и то, что все получится. – Он даже смог засмеяться. – Мое сознание, моя личность ляжет на его память, и я буду помнить все то, что помнит он, знать все и всех, кого знает князь… И весь мир будет к моим услугам…

– Возможно, – снова согласился Дед. – Возможны еще варианты, более или менее болезненные для тебя и Него. Мы можем сломать его жизнь и твою. И снова… снова… ничего не построить взамен.

– Снова все просрать, – сказал он. – Как мой прадед в Первую мировую, как отец моего прадеда в русско-японскую… Но ведь мы же понимаем с тобой, что, даже если вселение пройдет по самому лучшему варианту, у меня может ничего не получиться… Даже если по самому лучшему варианту…

Он снова попробовал пошевелить рукой и снова не смог. Это было не похоже на самый лучший вариант. Это было… Он почувствовал, как страх стал медленно заливать его мозг. Липкий, холодный, обессиливающий страх.

Он готовился всю свою жизнь. И вот теперь…

Нужно успокоиться. Это чужое тело. И просто нужно время, чтобы научиться им управлять. Не напрягаться, не дергаться, а врастать, привыкать, приучать тело к новому хозяину. И все будет хорошо. Он уверен, что все будет хорошо. И Дед сказал на прощание, что… что верит в его удачу. И верит в его способность изменить судьбу целого мира. Дед иногда позволял себе высокопарность. Ну и хотел на прощание подбодрить его. Напомнить, что…

Заржала лошадь.

Совсем рядом. И кто-то выругался. Не по-русски.

«Пся крев!» – поляк. Это ругается поляк. А кого ты еще рассчитывал найти возле Вильно в июне восемьсот двенадцатого года? Нет, конечно, тут сейчас, помимо местного населения, кого только нет: и многонациональная русская армия, и двунадесять языков Великой армии Наполеона.

Он почему-то надеялся, что везут его в обозе Семеновского полка. В момент вселения князь потерял сознание, его подхватили свои, попытались привести в чувство, он не очнулся, тогда его положили в повозку доктора. Или просто в повозку, рядом с имуществом господ офицеров. Или просто в грузовую телегу. Своих ведь семеновцы не бросают? Тем более – офицера. Князя и офицера.

Но в этом случае – не было бы польской речи рядом. И польской ругани. Поляки не слишком печалились уходом московитов. Мягко говоря – не печалились. И только единицы уходили вместе с русской армией.

Получается, что он попал к полякам. Попал в плен или даже чего похуже. Сколько русских солдат и офицеров пропали в том июне, канули в неизвестность, отправившись в путешествие в одиночестве или на минутку отошедшие зачем-то от бивака… Десятки? Сотни?

А еще у него не двигаются руки. И тело не подчиняется. Он даже глаз до сих пор не открыл…

Поляк продолжал ругаться – затейливо и с выдумкой. Поминал какого-то безрукого Стася вкупе с безголовым лайдаком Штефаном, который свою задницу найти не сможет при солнечном свете.

Он понимает поляка, это хорошо. И это совершенно ничего не значит – он знал польский язык еще в той своей жизни, еще до того, как Дед сказал «пора», как что-то холодное вдруг обрушилось на него, захлестнуло, подняло вверх-вверх-вверх-вверх, а потом швырнуло…

Кто-то крикнул, чтобы сельские дураки остановились. Кони всхрапнули, телега дернулась и замерла. Сельские дураки поняли команду, хотя подана она была по-французски. Да, по-французски, этот язык он тоже знал, как и немецкий, и английский. Дед настаивал еще на том, чтобы он досконально выучил еще испанский и итальянский, но времени на все не хватало, было очень много работы. Очень уж много всякого-разного нужно было выучить и запомнить.

– Ты ничего не сможешь с собой взять, – сказал Дед. – Даже твои умения, которые мы сейчас вбиваем в тебя, могут не сохраниться. Мышечная память останется в твоем теле, а в теле князя… Что-то, возможно, совпадет. Умение пользоваться столовыми приборами, ездить на лошади, стрелять из кремневого пистолета и работать каким-нибудь холодным оружием, скорее всего – шпагой… Что еще?

Нелепый досужий разговор, один из десятков-сотен-тысяч разговоров, в которых они с Дедом пытались представить себе, как будет выглядеть все на самом деле, как он очнется в теле князя, как будет строить свои отношения с княжескими знакомцами и сослуживцами, если память князя окажется недоступной… Они предполагали, строили прогнозы, ванговали, как принято сейчас говорить у некоторых типов в Сети…

«Черт, подумал он. – Не принято сейчас говорить, а будет принято». Будет, если он не выполнит своего предназначения, если не сможет произвести на историю нужного воздействия.

Нет, разрушить всю структуру истории, наверное, просто. Они с Дедом называли это вариантом бабочки, по Брэдбери. Завладеть телом князя, освоиться, затем вернуться в свой полк и убить кого-нибудь из значимых деятелей. Кутузова. Перед Бородино. И на его месте окажется Багратион. И после Бородино не будет никакого отступления, будет следующий бой, который приведет к гибели всей русской армии… или заставит французов отступить, или… Проблема в том, что совершенно невозможно точно вообразить себе, что именно произойдет потом. Не получается просчитать последствия от таких действий.

Точно так же, если чудом добраться до Наполеона и нанести удар кинжалом, в лучших традициях заговорщиков того времени. Кинжал для тирана – сколько их готовилось и вострилось по всей Европе в то время. Нанести удар, проткнуть брюхо корсиканского чудовища… или

влепить пулю в его бледный лоб, обрамленный прилизанными прядями редких волос… Что тогда? Кто при этом выиграет? Россия? Вряд ли… Британия? Это скорее, но тоже не так чтобы гарантированно. Австрия, имеющая в наследниках французского престола сына австрийской принцессы? Пруссаки, в конце концов?..

Невозможно предсказать. Гигантскими буквами через все небо – НЕВОЗМОЖНО.

И он не должен даже пытаться совершить нечто подобное.

Для начала он должен просто выжить. Вселиться в тело, устроиться в нем, научиться управлять, приноровиться к окружающей действительности и начать выполнять программу, которую они разработали с Дедом.

«Один человек – не бог, не царь и не герой, – как с горькой усмешкой говаривал Дед, – один человек против истории, теории вероятности и, в конце концов, всего человечества».

Как тут не впасть в грех гордыни? Хотя можно просто сойти с ума. Я пришел, чтобы изменить историю. Я с историей один на один. Я против рока. Банальные названия дешевых статей в желтой прессе.

Мимо телеги шли люди. Множество людей, тысячи и тысячи. Он слышал их шаги, позвякивание металла, голоса – сотни голосов, которые одновременно разговаривали, кричали, пели, отдавали команды и смеялись. И дыхание тысяч людей напоминало шорох осыпающегося песка.

Это шла французская армия. Великая армия, которая вошла в дикие земли северной империи, повинуясь приказу любимого императора, направившего свои легионы наказать русского царя за предательство, за подлое, недостойное благородного человека нарушение мирного договора, за нарушение Тильзитского братского договора… Святое дело мести, восстановления справедливости.

И возможность немного наполнить свои ранцы, в которых по уставу не должно быть ничего, кроме пары сменных рубах, воротничков, носовых платков, парусиновых гетр, хлопчатобумажных носков, запасных башмаков с чудовищными квадратными носами, придуманных для того, чтобы их нельзя было продать гражданским, набора принадлежностей для ремонта обмундирования, одежной щетки, трубочной глины, сапожной ваксы, сухарей, муки и хлеба…

А теперь есть шанс чуть-чуть разбогатеть. Конечно, каждый солдат может носить в своем ранце маршальский жезл, но деньги – тоже неплохо!

Семьдесят шагов в минуту. По жаре, под дождем, под пулями врага – семьдесят шагов в минуту, а если нужно ускориться, то и все сто. Час за часом, день за днем, месяц за месяцем. Они уже прошли полторы тысячи километров от родной Франции, но все еще делают свои семьдесят шагов в минуту, перекрикиваясь, посмеиваясь над приятелями, обсуждая вслух то, как планируют разбогатеть в варварской стране, распевая песни и проклиная солнце, которое все палит и палит и даже, похоже, не собирается опускаться за горизонт.

Семьдесят шагов. Семьдесят шагов. Семьдесят шагов.

Если будет нужно, то они пройдут и по воде аки посуху, если прикажет «маленький капрал». Британцам очень повезло, что молодой русский император совершил глупость, поссорившись с Наполеоном. Но после того, как Император высечет мальчишку на главной площади Москвы, после того, как образумит его и тот снова поймет, что только в союзе с Францией Россия может уцелеть, – вот тогда две империи доберутся-таки до британцев, перепрыгнув пролив или прошагав вместе по суше до Индии…

Семьдесят шагов в минуту. Семьдесят чертовых шагов в минуту. Вода из манерок уже выпита, а проклятые маркитанты шляются где попало, снуют по округе, расхватывая что плохо лежит и отбирая то, что хозяева хотели оставить для себя. А что поделаешь? Это война! Русские сами виноваты, пусть благодарят своего царя Александра за эту войну. И плевать, что места тут пока дикие и бедные, скоро, очень скоро – крупные города, столицы. Москва и Петербург, вот там… вот там каждый станет богачом. И в ранцах будут лежать не гетры, чулки и

рубашки, а золото, меха, драгоценные камни… Все будет прекрасно, нужно только не дать уйти сбегающей русской армии, трусливо уклоняющейся от боя. Догнать, вцепиться в холку, заставить развернуться и дать бой, решающее сражение.

Для этого нужно делать все те же семьдесят шагов в минуту, час за часом, день за днем, месяц за месяцем…

– Мы так до вечера простоим, – сказал поляк. Молодой голос, лет так на семнадцать-восемнадцать.

И ответил ему тоже молодой, чуть постарше, лет двадцати с небольшим, но молодой:

– Можно попытаться проехать через лес, по тропе.

– Телега увязнет, – возразил первый.

– Вытолкаем, – сказал второй. – В крайнем случае заставим московитов работать.

– Ладно, давай попробуем, – согласился первый.

Телега дернулась, подалась назад, потом стала разворачиваться, зацепилась за что-то колесом, вызвав взрыв ругани у третьего поляка, постарше, значительно старше первых двух. Щелкнул кнут, лошадь обиженно заржала, телега развернулась и поехала.

Он открыл глаза. Столько времени лежал зажмурившись, а тут вдруг взял и открыл. Веки поднялись – выполнили команду, и он увидел небо над собой, в обрамлении сосновых веток, ярко-голубое, инкрустированное зеленью.

Он видит. Он может управлять этим телом. Он даже может открыть рот и выдохнуть – захрипеть пересохшим горлом, облизать запекшиеся губы. И даже смог приподнять голову. Напряг мышцы спины, шеи и рывком поднял голову. Это оказалось нетрудно, тело подчинялось охотно, без сомнений и пауз. Он опустил голову, почувствовал, как под затылком зашуршала солома, снова поднял голову. Снова опустил. Закрыл глаза, полежал с минуту, с ужасом думая, что на этот раз может не получиться…

Но получилось. Он открыл глаза, увидел, как белка рыжей полоской перемахнула через дорогу с одного дерева на другое. Зажмурил один глаз, открыл, потом зажмурил второй. Скосил глаза, сведя их к переносице, – все работало. Глаза видели, веки поднимались и опускались, язык ощупал нёбо и зубы – ровные зубы, без следов вмешательства стоматолога.

Он вдруг сообразил, что это чужие зубы, у него… в его рту четыре зуба были запломбированы, а эти зубы совершенно целые. Если этими зубами прикусить губу, то можно почувствовать легкую боль. И еще, оказывается, можно повернуть голову набок. Вправо.

Мимо телеги проплывали деревья. Сосны. Подлеска почти не было, только серые, кверху переходящие в оранжевые стволы деревьев, земля, покрытая плотным слоем прошлогодней хвои.

Телегу тряхнуло, пожилой поляк снова выругался и сказал, что если Стась не будет следить за дорогой, то телега сломается и тащить ее на себе будет этот лайдак вместе со своим братом.

Почему же совершенно не чувствуются руки? Почему он не может пошевелить руками… и ногами тоже?

Он попытался согнуть ноги в коленях, ему даже показалось, что вот сейчас, через мгновение, все получится, он чувствовал мышцы ног, чувствовал, как они напряглись, но словно какая-то тяжесть лежала на его ногах.

– Проклятье, – пробормотал он.

– О! – удивленно вскрикнул кто-то рядом с ним. – Вы очнулись?

– Да, – сказал он.

И обрадовался, что слово вылетело из его горла: он может говорить! Он может говорить.

– Да, я пришел в себя…

– С чем вас и поздравляю, – произнес голос слева. – А то мне это путешествие в одиночестве стало несколько надоедать. Разрешите представиться: ротмистр Изюмского полка Чуев, Алексей Платонович. С кем имею честь делить эту карету?

– Сергей Петрович Трубецкой-первый, подпоручик.

– Лейб-гвардеец, надо полагать? – осведомился ротмистр. – Семеновец? Преображенец?

– Семеновский полк, – сказал Трубецкой, немного замешкавшись.

Нужно привыкать. Нужно отвечать на такие вопросы быстро и без запинки. Офицер скорее забудет имя матери, чем наименование своего полка.

– Князь? – Судя по тону, вопрос был риторическим, вряд ли кто-то в России мог не знать княжеский род Трубецких.

– Князь.

– И поди ж ты, свела судьба! – с деланым восхищением воскликнул ротмистр. – Вот уж не думал, что сведу знакомство с князем, можно сказать, накоротке. Как же вас угораздило?

Первый допрос, подумал Трубецкой. Сколько их еще будет впереди, невинных вопросов, дружеские требования рассказать, что же все-таки произошло восемнадцатого июня тысяча восемьсот двенадцатого года с подпоручиком Семеновского полка князем Сержем Трубецким? И кто-то непременно ввернет, что, наверное, Серж как начал праздновать свое подпоручество и приведение к присяге шестнадцатого, так и не смог просохнуть, отправился вслед за Бахусом на розыски добавки, да и попал в силки…

– Не знаю, – сказал Трубецкой. – Не помню совершенно.

– Как это – не помните, батенька? Совсем ничего не помните?

– Жизнь свою помню, но смутно. А вот последние дни, от Вильно и до этого места – очень плохо. Почти ничего. Помню, что шестнадцатого июня меня, Глазенапа, Фенша-второго и Мусина-Пушкина привел к присяге полковник Набоков в связи с произведением из прапорщиков в подпоручики… И то – помню, что произвел, но совершенно не помню – как и где.

– Вот в это верю. Это бывает. У меня знакомец под Рущуком как получил поручика… засиделся в корнетах, долго ждал, да все очередь его не подходила, а как получил, так запил, бедняга, на радостях, так запил, что и не помнил ничего – ни как Анну получил, ни как штабс-ротмистра. Утром встанет, бывало, примет стакан хлебного вина – да на коня, да подвиги совершать, с собой манерку возил и вместо еды и питья к ней прикладывался, к вечеру его с коня снимали, наливали стакан, да спать. А с утра – сызнова. Если бы его не ранили да в госпиталь не положили, а там лекаря – звери, пить не дали, накрепко запретили! Он протрезвел – глядь, а ему еще и Георгия четвертого класса за взятую басурманскую батарею прямо в койку принесли. Очень убивался, бедняга, что сам ничего не помнит. А вы как, князь, точно подвига никакого в беспамятстве не совершили?

Трубецкой наконец повернул голову влево и оказался лицом к лицу с ротмистром. Светлые вьющиеся густые усы, сросшиеся с пышными бакенбардами, смеющиеся светло-серые глаза. Во всяком случае, светло-серым был правый глаз, о цвете левого можно было только догадываться – он заплыл, превратился в щелочку, багрово-черный синяк красовался на всей почти левой половине лица.

– А вы, я смотрю, в битве поучаствовали, – сказал Трубецкой. – На поле брани или в дружеской компании гусар?

– Вы про украшение мое? Так и не то, и не другое. Вот поверите – до слез обидно, как вспомню. Сколько раз в атаку ходил, хоть на пехоту, хоть под картечь, а тут так опростоволосился. И ведь чего трудного? Отправился в разведку да и решил заехать в поместье к одному здешнему пану. Душевный такой поляк, гостеприимный, хлебосольный. А русский патриот какой, все тосты за императора российского поднимал да за доблестных воинов его армии! Ну как было не заехать, чтобы парой слов переброситься…

– Выкушать чего-нибудь, – подсказал Трубецкой.

– Не без того, а как же иначе? В лагере что за питание, сами знаете, а у пана Комарницкого – застолье всегда знатное, богатое. Да и знать он мог, где француз, куда идет… Послал бы своих людей, чтобы глянули, подозрения не вызывая, а мы бы тем временем…

– И как угостил пан Комарницкий?

– От всей души угостил. Мы как к господскому дому подъехали, он сам на крыльцо вышел, обнялся со мной, облобызался, меня и корнета Петрова пригласил к столу – как раз обедать собирался. Да… – Ротмистр погрустнел, но только на мгновение, потом улыбка снова появилась на его лице. – Мне еще повезло – я первым шел, как порог столовой переступил, так и получил послание в физиономию, очнулся уже связанным на телеге. А мой корнет, царство ему небесное, успел за саблю схватиться, из ножен выдернул…

Ротмистр замолчал.

– Что случилось с корнетом? – не выдержал Трубецкой.

– А что может быть с мальчишкой-корнетом, если он с сабелькой на польского дворянина полез? У пана Комарницкого сабля на боку была, он ею Петрова и разделал, как кабана на охоте. Сам мне хвастался при прощании: дважды хлестнул по лицу клинком, крест-накрест, потом в живот воткнул да, повернувши, в сторону рванул, кишки выпуская… Петров, вишь, низкородный, к его дочери амуры строить пытался в прошлое время, вот он и наказал… по-отцовски.

– А дочь?

– А что дочь? Папина она дочь, вышла потом на крыльцо, я сам видел, как она велела кровь московита и схизматика грязной тряпкой стереть. Из моих гусаров трое только и уцелели поначалу, еще троих люди Комарницкого на вилы да косами… А перед тем как меня и вас увозить со двора, пан приказал и тех выживших… к столбам привязать велел да сынов своих рубить по живому человеку учил. Стасика и Штефана. Сказал, кто своего первым зарубит, тот призом третьего получит для умертвления. Подарок отцовский перед отъездом. Штефан победил, хоть и младший, но ловко, чертяка, саблей владеет. Пока Стась Захарова по лицу рубил, он Михайле Марьину саблей горло рассек, до хребта, а потом уж, не торопясь, Соловьеву живот распорол да кишки на саблю мотал, играючи. – Ротмистр втянул воздух сквозь зубы, словно испытывал сейчас боль. – Хороший у отца сын, послушный. И умелый. Вот сейчас нас с вами привезут на место, а потом пойдут в польский легион вступать. Отец благословил. Ну ничего, даст бог, встречусь я с ними в бою, посмотрим, у кого сабелька быстрее…

– Но я так понимаю, что сейчас вам трудно будет свою угрозу исполнить. Вы ведь в плену.

– Пока в плену, – засмеялся ротмистр. – А там – как бог даст. Я ведь не первый раз в плен попал, судьба у меня такая. И не к полякам меня угораздило, а к туркам. А это, скажу я вам, не просто так…

– Ну да, они дикие, сыновей, наверное, на пленных с саблями напускали да учили живот распарывать. Дикари, азиатчина…

– Эк вы меня поддели, злой вы человек, Сергей Петрович… – Ротмистр покачал головой. – Ничего, как-то уже сложится, получится… Пересекутся дорожки… А нет, так вы передайте в мой полк, что случилось, и наперво – кто это сотворил… Передадите?

– Полагаете, у меня больше шансов уцелеть?

– А что тут полагать, ежели оно так и есть? Кто я – ротмистр провинциального гусарского полка? А вы, извиняюсь, князь. Гвардейский офицер. Вас, возможно, сам император знает. А вашу семью – так точно. Или поменяют вас на кого из своих, или в плену держать будут до конца кампании… Париж посмотрите…

– Видел я Париж, – автоматически ответил Трубецкой и спохватился, что этого, нынешнего, Парижа он как раз и не видел. Князь Трубецкой – видел, даже учился в нем, а тот, кто сейчас называется Сергеем Петровичем Трубецким, – бывал только в Париже двадцать пер-

вого века, имел удовольствие проталкиваться сквозь толпу африканцев и арабов на площадке перед Эйфелевой башней.

– А я вот – не был, – сокрушенно мотнул головой ротмистр. – Ну да ничего, так полагаю, что побываем еще в Париже… Не я, так мой полк.

Дорога стала шире, лошади побежали быстрее.

Трубецкой поднял голову, посмотрел вперед: деревья расступались, лес заканчивался.

– Приехали, наверное, – сказал Трубецкой. – Но это не Вильно. Мыза какая-то.

– А вы прямо в Вильно хотели, Сергей Петрович? С императором побеседовать? Вы его, кстати, в Париже будучи, не видели, часом?

– Нет, не повезло.

– Ничего, – пробормотал ротмистр. – Может, увидим. Это ведь только в шахматах короля не бьют… Он ведь герцога, наследника престола, расстрелял? Ну так пусть и не обижается.

– Вы точно уверены, что мы победим?

– А вы сомневаетесь? – От изумления даже подбитый глаз ротмистра широко раскрылся. – Даже в мыслях такого быть не может. Чтобы мы – да проиграли…

– А при Аустерлице?

– Что «при Аустерлице»? Там нас австрияки подвели, предали, можно сказать. И император наш был еще молодым, не доверился Михайле Илларионовичу… Да и не наша то было война, а теперь вот… Ничего, вот армии соберутся в Дрисском лагере да и врежут супостату…

А если ему сказать, что Москву сдадут, что сгорит Москва, – поверит? Или в лицо плюнет, как негодяю и трусу? Ротмистр Чуев просто не сможет поверить в такую клевету, в немыслимое… Ротмистр Чуев всю жизнь свою делил между казармой и полем битвы, гонялся за турками или бегал от них, привык побеждать, избалован победами настолько, что даже целая череда поражений от Наполеона не привела его в чувство. Он искренне будет желать битвы, требовать решительного сражения – он и тысячи таких же Чуевых: ротмистров, поручиков, прапорщиков, полковников и генералов.

И обвинять беднягу Барклая в предательстве будут, искренне не понимая, что просто не выстоят перед вдохновленными своими бесконечными победами французами. Что сгорят, истают в огне битвы… А потом будут называть Бородинское сражение победой, потеряв и народу больше, поле битвы оставив неприятелю… Но именно эта упрямая недалекость, убогость ума, которая будет заставлять их требовать самоубийственного сражения, не даст им обезуметь после сдачи Москвы. Они просто не поверят в поражение, не поверят, что с ними – С НИМИ – может случиться нечто такое – страшное и необратимое. Не поверят и выстоят. Выстоят и победят.

Так было и так будет.

Телега въехала во двор.

– Выгружайте, – скомандовал возница, и панские дети, Стась и Штефан, спрыгнув с коней, бросились вытаскивать пленных из телеги. Первым – ротмистра. Сбросили на землю, потом, зацепив за ворот доломана, поволокли к бревенчатому дому. Связанные ноги ротмистра в сапогах (ботиках, напомнил себе Трубецкой, такие сапоги у гусар называются ботиками) чертили полосу в пыли до самого крыльца. Там ротмистра бросили на ступеньки. Специально швырнули на ступеньки, чтобы больнее, бросить связанного человека на землю юношам показалось недостаточно жестоким.

Возница оглянулся на Трубецкого, и тот вздрогнул: лицо старика было обезображено глубоким длинным шрамом от лба, через левый глаз и щеку, до подбородка. Глаза не было, веко закрывало пустую глазницу. Второй шрам, похоже, что от пули, был на правой щеке. Если это и вправду была пуля, то зубы наверняка выбиты или сломаны, подумал Трубецкой.

Поймав взгляд пленника, старик усмехнулся, открывая рот. И верхняя, и нижняя челюсти были лишены зубов до половины. На верхней уцелели зубы только от левого клыка, на нижней – от передних резцов.

Подбежали Стась и Штефан, стащили Трубецкого с телеги и, подхватив под руки, быстро отнесли к дому, бросили рядом с ротмистром.

Скрипнула дверь, на крыльцо вышел французский офицер.

– Господин капитан! – Мальчишки вытянулись перед офицером, пытаясь продемонстрировать выправку. – Пленные офицеры московитов доставлены по приказу отца.

Мальчишки говорили по-французски чисто, с легким «шикающим» акцентом.

Капитан спустился по ступенькам с крыльца, аккуратно переступив через ноги ротмистра. Покачал головой:

– Печально видеть воинов в таком бедственном положении.

Француз посмотрел на пленных, словно ожидая какой-нибудь реакции, но и ротмистр, и Трубецкой молчали. Чуев, скорее всего, французского не знал, а Трубецкой решил свое знание языка пока не демонстрировать.

– С кем я имею честь беседовать? – по-русски спросил француз.

– А что ты с нами так официально разговариваешь? – Чуев, опершись локтем о ступеньку, попытался устроиться поудобнее. – Словно на приеме каком. Да ты ложись возле нас запросто, попроси мальчишек, чтобы они и тебе руки-ноги связали, и поболтаем накоротке, как воинам положено. Ты капитан, я ротмистр… приятель мой так вообще князь… принц по-вашему, вот и побеседуем… тут знаешь, какие ступени удобные да мягкие? Век бы на них лежал.

Француз заложил руки за спину и некоторое время молча рассматривал пленников.

– Чего смотришь? – осведомился Чуев. – Не знаешь, где посадить да чем угостить?

– Насколько я знаю, вы, господин ротмистр, умудрились сами влезть в ловушку и заодно погубить своих людей, – медленно, не отрывая взгляда от лица Чуева, проговорил капитан. – Вас захватили в плен местные жители, некомбатанты, связали, как… как…

Капитан сделал неопределенный жест рукой, словно подбирая нужное сравнение, такое, чтобы не обидеть ротмистра. Или наоборот – побольнее хлестнуть по и так уже уязвленному самолюбию.

– Как свинью повязали, – подсказал Чуев и подмигнул французу. – И за своих гусаров я до самой смерти себя корить буду, только глупость моя тебя, господин капитан, от правил чести и воинской вежливости не освобождает. Или что-то во французской армии не так сделалось?

Француз покачал головой и присел на ступеньку возле Чуева, аккуратно, чтобы не испачкаться. Легким движением руки отослал поляков к телеге, задумчиво потер ладонью щеку.

– Кажется мне, что вы, милостивый государь…

– Потрудитесь именовать меня по воинскому званию, сударь! – неожиданно резко оборвал его Чуев. – Это вы щенков этих милостивыми государями титуловать можете.

– Извините, господин ротмистр, – с самым серьезным видом произнес француз. – Конечно же, ротмистр Изюмского полка – это не сыновья поветового маршалка. Значит, господин ротмистр, вы недостаточно ясно представляете то положение, в котором оказались по собственной, как вы выразились, глупости. Вас ведь в плен взяла не Великая армия. Вас даже и в плен не брали, так, захватили. И вполне могли сами все решить, но пан Комарницкий, памятуя нашу с ним старую дружбу, разрешил мне поговорить с вами, чтобы узнать у вас что-нибудь для меня интересное, и если вы будете достаточно разумны, то даже смягчить немного вашу участь…

Вербует, подумал Трубецкой. Даже не так – готовится колоть беднягу-ротмистра, подготавливает к тому, что его, возможно, будут пытать. Зачем? В смысле – пытать зачем, что такого может знать обер-офицер гусарского полка? Но каков капитан! Где же его благородство и дво-

рянская чистота, ведь только начало девятнадцатого века на дворе, еще все дворяне – братья, а война – это столкновение чести с благородством. А тут тебе такие пошлые угрозы.

– Ты, капитан, грозишься меня на съедение сим щенкам передать? – спокойно, даже с какой-то деловитостью в голосе поинтересовался Чуев. – Какой пассаж! То есть господин офицер позволит…

– А что я могу сделать? – воскликнул господин офицер. – Вы – их пленники, и у меня нет никакой возможности изъять вас из их рук. Даже если бы попытался…

– А ты не попытаешься… – протянул с пониманием ротмистр. – Куда тебе… Так чего тянуть тогда? Зови пащенков, напускай на меня… Только…

Черт, мысленно выругался Трубецкой. Дьявол и дьявол! Сейчас он ляпнет глупость. Из самых лучших побуждений, конечно, но сделает так, что все происходящее здесь превратится из драматической пьесы в кровавый трагифарс.

– Только вот князя им не отдавай. Князь Трубецкой, из лейб-гвардейцев. Я так полагаю, что стоит он куда больше, чем гусарский ротмистр. Нет?

– Князь Трубецкой? – Француз улыбнулся. – Это правда?

– Да, – ответил Трубецкой. – Это правда. Подпоручик Семеновского полка князь Сергей Петрович Трубецкой-первый.

– Вот это интересно. Спасибо, ротмистр, что вовремя подсказали.

Капитан встал со ступеньки и быстро пошел к полякам, о чем-то тихо переговаривавшимся возле телеги.

– Ну спасибо, Алексей Платонович, – тихо, сквозь зубы поблагодарил Трубецкой. – Теперь они не только вас пытать будут, но и мне достанется. Через меня на вас попытаются…

– Само собой, – усмехнулся Чуев. – Как же без этого? Если они только меня рвать на куски будут – какая мне с этого польза? Никакой, вред один. А вот если вас начнут пользовать припарками да клистирами, тут фортуна, глядишь, и смилостивится. Я когда-то в плен попал к туркам…

– Говорили уже.

– Да, но не рассказал самого интересного. Захватили они меня, вахмистра и трех гусар… И обидно так, что и слов нет. Вот того и гляди наши подоспеют, только к тому времени пленных турки порешат, они только выбрать не могли – головы срубить или просто животы распороть… – Чуев вдруг замолчал, глянул на француза, о чем-то говорившего с поляками, и тихо, почти шепотом сказал: – А вы какие-нибудь секреты знаете, господин подпоручик?

– А что?

– Не штокай, а отвечай старшему: знаешь секреты?

– Я такие секреты знаю, – закипая, прошипел Трубецкой, – что ты даже и представить себе не можешь. Я знаю численность нашей армии до последнего человека и пушки, я знаю, как отступает вторая армия и где ее можно перехватить. Я знаю… черт возьми…

– Вот даже как… Нехорошо получилось… Ладно, рассказывай капитану все.

– Что?

– Не понял? Все рассказывай. Подробненько, пусть записывает. Только попроси, чтобы он меня пока не убивал, вроде как условие поставь.

– Все-таки жить хочется?

– Еще как! Я в Париже не бывал, запамятовал, что ли, князь?

– И предательством…

– Рот закрой и слушай, извини уж за грубость, ваша светлость! Мыза пустая, кроме французов и наших конвоиров, тут никого нет. За домом привязаны две лошади не расседланные, значит, с капитаном тут еще один человек. Ну и три поляка. Пятеро. На нас двоих, да еще связанных. Понимаешь?

– Понимаю.

– Во-от… Значит, нужно диспозицию переменить, заставить противника перестать нас опасаться и тем самым дать нам шанс. Если я врать начну, мне капитан не поверит, не было такого в заводе, чтобы гусары своих предавали… А ты – человек молодой, князь, балованый, небось слышал я, как гвардейцы в столице службу несут. И француз слышал. Мне-то чего терять? Жалованья моего? Деревеньки в двадцать душ? А ты – другое дело! И деньги, и светская жизнь… Эту кампанию в подполковниках закончить можешь, если постараешься, все ж на виду у генералов, а то и самого императора… Он тебе пообещает, что предательство твое, по молодости допущенное, никто, кроме него, не узнает. А ты поверишь…

Капитан повернулся спиной к полякам, потом спохватился, снова повернулся к ним и что-то приказал – один из мальчишек бросился бегом к близкому лесу, второй – достал из телеги штуцер и принялся осматривать его замок.

– Только потребуй, чтобы обхождение с тобой… и со мной, как твоим товарищем по несчастью, было достойным. Чтобы сам француз тебя допрашивал, а не мальчишки. Они же запытают, толком ничего не узнав. Понял, ваша светлость?

– Понял. Только и вы, господин ротмистр, не стройте из себя безумца. Подыграйте мне, но не как провинциальный трагик во французской пиеске, без закатывания глаз и ломания рук… Руки нам ломать и так найдется кому…

– Я постараюсь, Сергей Петрович. Истинный бог – постараюсь. Скажите, пусть в избу заведут, холодать начинает, а вам в исподнем будет совсем холодно.

В исподнем. Точно. Трубецкой так увлекся всем происходящим, что не потрудился рассмотреть себя как следует. Глупо получилось, но то, что Чуев в красном доломане, синих чакчирах, без кушака и портупеи и, тем более, без кивера, – заметил, а вот то, что сам одет в кальсоны и сорочку… Видел, но внимания не обратил. Даже то, что ноги босые… Его что, взяли прямо из постели? Так ведь русская армия сейчас на походе, все спят одетые, не до перин и простыней… Нелепость получается.

– Мне сейчас молодые поляки рассказали, что вас в лесу нашли, – сказал, приблизившись, француз. – Их человек ездил к дороге, за уходящими войсками посмотреть, и увидел вас. Думал вначале, что убиты, подошел поближе, глянуть, нет ли чего ценного, а тут вы застонали…

Капитан снова сел на ступеньку.

– Он бы вас добил да ушел, только бельишко ему ваше показалось дорогим, подумал, что вы не из простых будете. Решил пану доставить, ведь если что, то и во дворе вас можно добить, правда?

– Правда, – согласился Трубецкой.

– Так что у вас получилось, князь? Как вышло, что вы…

– Не знаю. Не помню почти ничего из событий последних дней.

– Это вы сейчас о чем разговариваете? – Ротмистр снова попытался пристроиться поудобнее. – Я же ни черта не понимаю в этом бормотании… Можно по-человечески говорить?

– Князь мне сообщил, что не знает, как оказался возле дороги в беспамятстве и раздетым, – пояснил капитан, не обидевшись на «бормотание». – А я даже и представить себе не могу…

– А чего тут представлять? – Связанный веревками крест-накрест ротмистр попытался пожать плечами. – Послали подпоручика с письмом или рапортом, а какой из пехоты наездник? Так, насмешка одна. Еще Петр Великий велел пехотным офицерам перед кавалеристами на коне не ездить, дабы позора не было… Конь понес, или сам пустил его подпоручик в галоп, головкой об ветку ударился или скинуло его веткой на землю. Лишился чувств, а проходивший мимо добрый человек с него все ценное снял, а добить – пожалел. Или не успел, спугнул кто-то. Обычное дело на войне, не так ли?

– Вполне, – согласился капитан. – Это все объясняет. Но не разрешает для меня одной важной загадки. Для нашего князя важной… Был его сиятельство в мундире или в партикулярном платье?

– Какая разница? – спросил Трубецкой.

– Большая, ваша светлость, – протянул Чуев. – Еще какая! Капитан намекает, что если ты был в гражданском платье, то, стало быть, ты не пленный. А если ты офицер, да не в мундире, то получается, что ты лазутчик, и, стало быть, немедленный расстрел для тебя – лучший выход. Я верно понял вас, капитан?

– Абсолютно. Я бы и сам не сформулировал точнее.

– Конечно, я был в мундире, – быстро сказал Трубецкой, дрогнув голосом.

Должен же он испугаться такой перспективы – быть обвиненным в шпионаже. Он офицер и надеется на должное к нему отношение, а тут вдруг…

– Да бросьте, капитан! – Ротмистр поморщился, словно услышал несусветную глупость. – Посудите сами, какой из князя лазутчик? Сколько вам годков, князь?

– В августе двадцать девятого двадцать два исполнится…

– Ну… взрослый совсем… – с разочарованием протянул ротмистр. – Только и в двадцать два года толку из него в разведке или дозоре не будет. Он только третьего дня подпоручиком стал, это ж каким бездельником нужно быть, чтобы к такому возрасту хотя бы поручика не выслужить, да еще в гвардии, да с титулом! В мундире был, как бог свят – в мундире!

– Может быть, и так. Только сейчас, формально, он не в мундире. Я, если честно, вообще не имею права его задерживать или допрашивать, пока у меня нет доказательств или явного подозрения… Так что вполне могу отпустить князя… – Капитан сделал паузу. – Отпустить князя погостить у пана Комарницкого. Дворянин окажет услугу дворянину, приютит его в столь страшный для России час… Сыновья пана Комарницкого уже готовятся к отъезду.

– Вы не посмеете! – воскликнул Трубецкой, очень натурально срываясь почти в истерику. – Не может офицер императорской армии…

– А скажите мне, подпоручик, вы слышали об испанской гверилье? – неожиданно сменил тему капитан.

– Да, слышал, но какое это имеет отношение…

– Самое прямое, князь, самое прямое. Когда простой испанский дворянин… или даже простолюдин, а то и крестьянин нападает на проезжающего француза, похищает его, а потом в глуши лесной или в пещере выкалывает ему глаза, сдирает кожу, отрубает пальцы, распарывает живот… Вызывает ли это у наших благородных противников… а ваших союзников – британцев – возмущение? Призывают ли они испанцев к порядку и законному ведению войны? Нет. Они принимают предводителей банд у себя в штабах, офицеры пожимают им руки, если эти предводители дворяне, снабжают их деньгами и оружием… Император Российский потребовал прекратить это варварство? Нет. Так почему я должен возмущаться тем, что угнетаемые вами народы восстали против своих поработителей и мстят им… Как могут мстят.

Француз вздохнул:

– Я могу, конечно, попытаться облегчить вашу участь…

– Как благородный человек… Вы же дворянин? – спросил Трубецкой.

– Нет, я из лавочников, а что? – холодно усмехнулся капитан.

– Но вы же офицер…

Француз указал рукой куда-то на запад:

– Вот там – Вильно. Город до сих пор пропитан гарью от сожженных русскими войсками складов. Ради бога, вы имеете право уничтожить свои припасы, дабы они не попали в руки врагу. Но для вас сейчас важно не это, важно то, что там – не просто Вильно, там цивилизация, там война ведется по законам и правилам, там пленных угощают табаком, обеспечивают ночлегом и питанием. Там ваши раненые получают уход и заботу от французских лекарей. А тут…

Тут дичь и глушь. Пустыня. Здесь властвуют законы жестоких сказок и жутких легенд. Здесь кошмар более реален, чем астрономия и физика… Тут в дебрях обитают людоеды и великаны, в омутах прячутся чудовища, тут милый добрый крестьянин в одно мгновение может превратиться в волка – только повернитесь к нему спиной. Здесь жизнь человека стоит ровно столько, сколько он может заставить уплатить, не больше. Либо вы сразите оборотня мечом, либо он сожрет вас… – Капитан засмеялся. – Вы же не прекрасная дама, ради которой я должен… просто обязан вступить в битву с тремя людоедами…

– Очень забавная трактовка чести солдата, – вмешался ротмистр. – Просто слезы на глаза наворачиваются. Так и обнял бы вас да поплакал бы всласть на вашей груди… Чего вы хотите?

– Правды. Всего лишь правды. Честного и правдивого ответа на каждый мой вопрос.

– Предательства?

– Почему предательства? – оскорбился капитан. – Вы просите меня о помощи, я, чтобы вам ее оказать, должен вырвать вас из рук местных жителей, потом доставить вас в Вильно, там написать рапорт об обстоятельствах, заставивших меня прервать разведку. Я не имею права не выполнить приказ, а он у меня однозначный – получить сведения, как можно более подробные, о русской армии. Значит, чтобы у меня появилось время на ваше спасение, вы должны компенсировать мне мои усилия…

– Я совсем не чувствую своих рук и ног, – пожаловался Трубецкой. – Члены мои затекли, мне холодно. Вы хотите что-то узнать от меня?

Трубецкой посмотрел на Чуева и перешел на французский:

– Вы хотите от меня предательства и измены? Так и ведите себя соответственно. Я знаю очень многое, но вы не знаете, что именно, какими тайнами и сведениями я владею. Начав пытки…

Француз сделал протестующий жест.

– Хорошо, позволив пытки, вы рискуете не получить от меня того, что я открыл бы вам по доброй воле. Эти мальчишки не являются большими специалистами…

– Их дядька, Збышек, прекрасно это умеет, – сказал капитан.

Трубецкой вздрогнул, но продолжил ровным голосом:

– Даже если так, то добровольно я скажу больше, чем под принуждением и в муках. Я просто забуду многие подробности…

– И что мне гарантирует вашу искренность? Вы готовы нарушить присягу…

– Я не успел принять присягу.

– Что?

– Вам же сказал ротмистр, что я только третьего дня стал подпоручик. И должен был вместе с тремя товарищами быть приведен к присяге, но не успел. На походе бывает всякое. Так что о нарушении присяги можно забыть.

– Ловко это у вас выходит… Но так вы можете и свое слово легко обойти?

– А вы – свое?

Француз захохотал.

– Ладно, вы меня уговорили.

– Еще нет, – возразил Трубецкой. – Я требую, чтобы ротмистр также не был отдан под пытки. И чтобы, в конце концов, вы стали обращаться с нами, как следует обращаться с офицерами. Снять с нас путы, дать мне какую-нибудь одежду, накормить.

– Меня посетила иллюзия, что это вы сейчас имеете право диктовать мне условия. Но вы правы. Дайте мне слово, что вы не попытаетесь бежать… и пусть такое же слово мне даст ваш приятель ротмистр… Благородное слово благородного человека – и я поверю.

– А вы дадите мне слово передать нас после допроса в Вильно?

– Сейчас мы говорим о вас и вашей дальнейшей судьбе. Вы готовы дать мне слово?

– Да, – не задумываясь, ответил Трубецкой. – Я даю вам слово не пытаться бежать от вас и честно ответить на ваши вопросы, каких бы тайн они ни касались.

Обещание свое Трубецкой произнес по-русски, так, чтобы его понял гусар. Тот очень естественным образом вспыхнул, чертыхнулся, обозвал князя барчуком и неженкой, но, когда Трубецкой повторил то, о чем они разговаривали с капитаном, замолчал, потом тряхнул головой.

– И пусть табаку дадут, – потребовал ротмистр. – И водки, если есть. Или хотя бы сивухи.

– Вы даете мне слово офицера? – спросил капитан.

– Да, я даю вам честное слово офицера, что не стану бежать от вас и расскажу все, что знаю. Но вы, в свою очередь, не отдадите нас…

Француз достал из кармана мундира складной нож и разрезал веревки вначале на ротмистре, а потом на Трубецком.

Руки Трубецкого бессильно упали. Он их все еще не чувствовал. Лежал на земле, извиваясь как червь и надеясь, что сейчас придет боль, а за ней… за ней он сможет управлять этим телом. Он поймет наконец, что может… что завладел им полностью, и теперь…

Поляки с оружием на изготовку приблизились к ним. Два штуцера и пистолет. Старик держал саблю в правой руке, а громадный кавалерийский пистолет прошлого века – в левой. Правая щека его дергалась, казалось, что он вот-вот зарычит или завоет.

– Как бы они на вас не бросились, господин капитан, – с тревогой в голосе сказал Чуев.

– Не бросятся, мы с ними давно знакомы, я кормлю их с руки, – уверенно, но тихо, так, чтобы поляки не услышали, ответил капитан и добавил уже громче, во всеуслышание: – Сейчас вам помогут войти в дом. Особых изысков не обещаю, уж не обессудьте. Но беседа у нас будет долгая и, надеюсь, приятная.

Он ошибся.

Глава 02

Капитан вел себя будто опытный любовник, заманивший наконец даму своего сердца на первое свидание. Он не торопился, не суетился, держался сдержанно, но предупредительно. Зачем спешить, если все уже договорено?

Трубецкому капитан предложил плащ – за неимением другой одежды. Князь набросил толстый суконный плащ на плечи, завернулся в него, с трудом сдерживая стоны при каждом движении. Все его тело затекло, и теперь, когда веревки сняли и кровь снова свободно текла по венам, вместе с чувствительностью и подвижностью к нему пришла и боль.

Словно тысячи иголок вонзались в его тело – в каждую клеточку рук и ног, ломило спину, боль отдавалась в груди при каждом вдохе и выдохе.

Ротмистр тер себе запястья и предплечья. Ругался беззвучно, шипел сквозь зубы, когда боль досаждала особенно сильно.

Француз сдержал свое обещание: на стол перед пленниками были выставлены две темно-зеленые винные бутылки, на деревянном блюде – несколько грубо отрезанных кусков темного хлеба и брынзы. Ротмистр взял бутылку, принюхался:

– Сивуха… Ну оно и к лучшему, на душе мерзко, приличное вино и не возьмет, наверное…

Чуев налил в две глиняные кружки самогон, одну взял сам, вторую подвинул Трубецкому.

– Ну что, князь, выпьем? За здоровье хозяина, чтоб его черти разорвали!

Трубецкой осторожно взял в руку кружку. С опаской. Боялся, что выронит, но пальцы послушались, сжали шершавую ручку и удержали.

Хорошо. Хоть какие-то хорошие новости.

А вот самогон был не очень – вонял, князю в свое время доводилось пробовать самые разные «самопальные» напитки, но такого мерзостного запаха он никогда раньше не ощущал. Из чего они его тут гонят? Из какой-нибудь подгнившей брюквы? Вряд ли из зерна, нужно очень постараться, чтобы из зерна сотворить эдакий кошмар…

– Да не морщись, князь! – Ротмистр стукнул своей кружкой о край кружки Трубецкого. – Тут как в атаку на каре, зажмурился – и ура! Давай!

Чуев залпом осушил свою кружку.

– Вот ведь дерьмо какое, будто деготь… Но кишки согревает, это правда… – Ротмистр взял кусок хлеба, с хрустом откусил. – И хлеб поганый, с желудями, что ли… Вот ведь народец прижимистый… или нищий, тут как взглянуть. И пекли его как бы не с неделю назад… Да ты пей, князь, вон, мосье француз на тебя выжидательно смотрит, думает – выпьешь, так и болтливее будешь… Будешь, а, князь?

Трубецкой выдохнул и влил в себя жидкость из кружки. Лишь бы не закашляться, не поперхнуться этой гадостью… Не хватало еще вытошнить сивуху из себя прямо на стол… Или, постаравшись как следует, на капитана. Хотя идея, в общем, привлекательная… Словно кислоты хлебнул, болезненный жар стек по пищеводу в желудок, рот наполнился мерзким вкусом сивухи.

– Закусывай, князь, это тебе не шампанское. – Ротмистр сунул в руку Трубецкому хлеб и брынзу. – На вкус внимания не обращай, жуй да глотай… А я пока по второй налью, чего нам мелочиться?

Трубецкой хотел возразить, но гусар уже снова разлил самогон в кружки и снова провозгласил тост:

– За победу!

– За нашу победу, – прохрипел Трубецкой и усмехнулся, цитату все равно никто не поймет и не оценит. – За наших гусаров в Париже!

Вторая порция прошла значительно легче, настолько легче, что Трубецкой, допив самогон и закусив его куском брынзы, соорудил на своем лице улыбку и повернулся к капитану, стоявшему у окна, скрестив руки на груди:

– А вы не хотите присоединиться к нашему тосту, капитан?

Француз покачал головой.

– Напрасно, ведь наша армия в Париже – всего лишь вопрос времени. – Трубецкой взмахнул пустой кружкой. – Через годик. Войдем мы со стороны Монмартра… Вы же согласитесь со мной, что с его высоты открывается прекрасный вид на город… и обстрел тоже восхитительный. Поставить батарею пушек и от всей души внести посильный вклад в архитектуру Парижа… В конце концов, если Наполеону можно из пушек на парижских улицах стрелять, то почему бы и нам не развлечься… Как думаете, Алексей Платонович?

– А улицы там как – широкие? – спросил ротмистр. – По скольку в ряд гусары пройдут?

– Нет, – покачал головой Трубецкой. – Улицы в Париже узкие, будто созданы, чтобы баррикады на них ставить… Пехотой брать будем. Или вначале пушками расчистим дорогу, а потом уж и гусары с кирасирами…

– За конницу российскую! – провозгласил ротмистр, разливая остатки самогона в кружки. – Не самую лучшую на свете, но очень героическую!

– И за пехоту с артиллерией, – подхватил Трубецкой.

Перед первой порцией он опасался, что желудок князя может на низкородное пойло отреагировать как-то не так, но теперь убедился, что пьется княжескому организму очень даже спокойно. И даже начинает этот княжеский организм получать удовольствие от процесса.

– Сразу вторую пустим? – спросил ротмистр, указывая на полную бутылку.

– Нет уж, – вмешался капитан. – Пока вам достаточно. А то уже начали пить дьявол знает за что…

– А это – прямое оскорбление, лягушатник ты чертов! – провозгласил Чуев. – А канделябром по бакенбардам не хочешь? А к барьеру? На пистолетах или на саблях! Стреляться через платок!

– Уймитесь, ротмистр, – устало вздохнул француз. – Вы пленный под честным словом, какая дуэль?

– Ладно, – кивнул, смиряясь, Чуев. – Ваша правда. Но ведь это сегодня… А когда мы встретимся еще раз… в следующий раз я тебе, сволочь французская, прямо в харю плюну, честное слово благородного человека! А если и после этого ты меня на дуэль не вызовешь, то я тебя по мордасам, как проворовавшегося лакея…

Трубецкой внимательно следил за выражением лица капитана, поэтому заметил, как при упоминании следующей встречи в уголке рта француза наметилась легкая ироничная улыбка. Француз знает, что никакой второй встречи не будет. Он ведь не давал слова, что не передаст пленных после допроса полякам.

– Жан! – позвал француз.

В комнату вошел невысокий худощавый мужчина лет сорока в сержантском мундире, с нашивками за двадцать лет беспорочной службы. Это получается, что служить сержант начал еще при Бурбонах, чего только не повидал, но выжил, а это свидетельствовало о натуре сильной, предприимчивой и, наверное, везучей.

И жестокой.

Глянув мельком на его лицо, Трубецкой вспомнил присказку одного своего приятеля: встретишь такого в подъезде – всю мелочь из карманов отдашь. И вроде все черты правильные, ничего такого особо жуткого… В отдельности все приличное и аккуратное, а вот вместе, в совокупности, так сказать, впечатление производит… жутковатое. Таких нужно или убивать сразу, или обходить десятой дорогой.

– Принеси бумагу и чернила, – сказал капитан. – И свечи – скоро здесь будет темно.

Темнело и вправду быстро. Да и затянутое бычьим пузырем окно пропускало мало света. Да, напомнил себе Трубецкой, стекло здесь не так чтобы очень распространенный и доступный материал. К этому придется привыкать. К отсутствию многих мелочей, на которые он в своем времени внимания практически не обращал, а тут… Скажем, спички более-менее приличные появятся только через двадцать четыре года, и туалетная бумага появится только в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом… Нью-Йорк, Джозеф Гайетти, на мгновение прикрыв глаза, сам себе отрапортовал Трубецкой. Сколько подобной информации было вбито в его память. Подразумевается, что эти знания помогут новому князю Трубецкому закрепиться в этом времени, правильно вкладывать деньги или даже приписать себе какие-то важные изобретения, чтобы разбогатеть и получить в руки рычаги управления историей…

Даже обсуждая все это с Дедом, Трубецкой полагал, что все это бред. Нет, конечно, все это можно провернуть, можно даже попытаться зарабатывать себе на жизнь в случае необходимости, печатая чужие стихи и выдавая их за свои… Только это копейки. И куча потраченного времени. И еще…

Сержант принес бумаги, походный бювар. Зажег свечу, вставил ее в горлышко пустой бутылки.

– Ну что, господа, – сказал капитан и взял в руку гусиное перо. – Начнем наши беседы…

Он задавал вопросы ровным голосом, с самыми доброжелательными интонациями: кто, откуда, какого полка? Кто командир полка, кто командир дивизии – скрывать смысла нет, в девятнадцатом веке такая информация не была военной тайной. О том, что Семеновским полком командует полковник Криденер, а Изюмским гусарским – подполковник Долон, знали все. Как и о том, что Осип Францевич Долон на самом деле был Габриелем Жозефом д'Олоном, бывшим французским офицером.

Секретом не был состав ни Первой русской армии Барклая-де-Толли, ни Второй князя Багратиона, но французский капитан прилежно записывал под диктовку русских офицеров эти бесценные сведения, писал быстро, но строчки получались аккуратные, ровные, а буквы – четкие и округлые. Из торговцев, вспомнил Трубецкой, беднягу с детства учили делопроизводству.

Сейчас французу диктовал Чуев. Диктовал он, надо сказать, плохо.

То ли валял дурака и тянул время, то ли на самом деле не был гусар оратором, но, выдавая врагу военные тайны, Чуев путался, сбивался, начинал какие-то истории о своих приключениях на Дунае – не заканчивал, начинал новые, потом, упомянув фамилию очередного своего сослуживца, пускался в пространные рассуждения о его характере, приводил какие-то странные и малопонятные случаи из жизни Изюмского гусарского… – в общем, похоже, все-таки валял дурака, но капитан на него не обижался, лишь время от времени короткими репликами и вопросами возвращая монолог в нужное направление.

Это было странное и не лишенное какого-то специфического очарования зрелище – гусарский ротмистр, нарушающий присягу и выдающий врагу секретные сведения. Сколько бы ерунды ни выливал Чуев на француза, тот все равно заставлял назвать количество людей в полку поэскадронно, маршрут следования полка, планы российского командования на ближайшее время…

Гусар кряхтел, дергал себя за ус, лохматил волосы на голове, но на вопросы отвечал. Насколько мог судить Трубецкой – отвечал точно.

Во время допроса сержант стоял возле двери, держа руки на рукоятях пистолетов, воткнутых за пояс. Просто какой-то флибустьер. Капитан, конечно, верил офицерам на слово, но был, судя по всему, человеком бывалым, старавшимся не пускать события на самотек.

Это не может продолжаться бесконечно, думал Трубецкой, глядя на огонек свечи. Рано или поздно капитан сочтет, что услышал уже все, что знают русские офицеры, потеряет к ним

интерес, а поскольку он ничего русским не обещал, то вполне можно ожидать резкого ухудшения ситуации.

Заглянувший в комнату Збышек что-то прошептал капитану на ухо так, чтобы русские не слышали. Капитан кивнул и ответил так же тихо. Прочитать по губам что-либо не получилось, но взгляд, который бросил поляк на Трубецкого и Чуева, не обещал ничего хорошего. Похоже, старик уточнял, скоро ли московитов передадут в его руки. Ну не о видах же на урожай он приходил спрашивать у французского офицера, в самом деле.

Трубецкой также понимал, что тянуть время бесконечно у него не получится. Даже если он своими рассказами о количестве пушек, повозок и запасах продовольствия в русской армии и сможет заинтересовать француза, то судьбу ротмистра Чуева это не облегчит, рано или поздно болтовня гусара капитану надоест, и он отдаст беднягу полякам. Да еще, возможно, заставит подпоручика наблюдать за этим… чтобы окончательно подавить у того всякую мысль о сопротивлении.

Оказаться в плену, в одиночестве, да еще на таких неприятных условиях, Трубецкого совершенно не устраивало. Вообще то, как начали развиваться события после того, как он попал в тело князя, внушало самые неприятные мысли. Какое тут воздействие на историю, какое изменение будущего, если даже само существование князя Трубецкого оказалось под угрозой именно из-за этого самого вмешательства?

И вся подготовка, годы изнурительной зубрежки и тренировок шли собаке под хвост из-за ерунды, из-за того, что князь Трубецкой в момент вселения оказался далеко от своих товарищей… Или они его оставили… отправили с кем-то в госпиталь, но эти кто-то подпоручика не довезли – бросили. Ограбили и бросили, на войне бывает всякое, особенно при отступлении.

Отступление все спишет. Так было во все времена, так было, наверное, в июне тысяча девятьсот сорок первого в этих же местах, так происходит и в июне тысяча восемьсот двенадцатого.

Если Чуева капитан отдаст полякам, то шансов выбраться из этой передряги у Трубецкого не будет вообще. Правда, и сейчас он не видит гарантированного выхода. Бросаться на капитана? Сержант, не задумываясь, разрядит в него один из своих пистолетов… да и капитан не выглядит слабаком – худощавый, но крепкий, с уверенными движениями и пронзительным взглядом. За пояс у него тоже заткнут пистолет, на боку сабля…

Судя по эполетам – правому с бахромой и левому голому, – капитан из штабных, но, похоже, в штабе он показывается нечасто. Специальной разведывательной службы в армии Наполеона, кажется, не было, но такие вот самородки, натасканные на выполнение специфических заданий, имелись наверняка.

Да и что, собственно, значит – имелись наверняка? Вот он сидит, водит гусиным пером по листу бумаги. Живой и опасный. Умный и смертоносный. Пора уже привыкнуть… понять, что это не отвлеченные рассуждения на тему «может быть или не может», это правда, это реальность, единственная реальность, которая имеет значение для князя Трубецкого-первого, подпоручика Семеновского полка…

И еще нужно забыть на время глобальную задачу, которая поставлена перед ним, а сосредоточиться на главной сейчас – выжить и возвратить себе свободу. Выжить и сохранить. И только потом…

– Я больше не могу, – сказал ротмистр.

Трубецкой вздрогнул, возвращаясь к той самой, важной для себя реальности. Насторожился, боясь, что ротмистру надоело прикидываться дурнем и что сейчас он начнет совершать глупости… Но нет. Ротмистр потребовал, чтобы его отвели «до ветру», он больше не может терпеть. Вот честное слово благородного человека – целый день терпел, в телеге пока везли, и вот сейчас. Ну не в чекчиры же оправляться, господа!

Капитан отложил перо и внимательно посмотрел на Чуева, тот скорчил гримасу, которая должна была означать: все, больше не могу. Никак не могу, сдерживаюсь только из чувства благопристойности и благодаря нечеловеческой силе воли.

– Мне нужно напоминать вам о данном слове? – спросил капитан.

– О побеге? Даже обидно! – Чуев оглянулся на Трубецкого, словно ища у него поддержки. – Русский офицер дал слово – и никто не сможет его от этого слова освободить. Да если я в полку скажу, что бежал, нарушив обещание, то со мной никто разговаривать не станет… У вас разве иначе, господин капитан?

– У нас – точно так же, – сказал француз. – Данное слово – свято…

Вот потому-то ты и не обещал нам ничего, господин капитан, мысленно съехидничал Трубецкой. Если бы он сейчас находился в своем собственном теле, то мог бы одним прыжком достать капитана, сделав пару финтов, уйти от выстрелов сержанта… Это если бы он был в своем собственном теле.

А так…

Мозг в экстремальной ситуации не управляет телом, места для рассуждений и размышлений не остается, работают только рефлексы, выработанные бесконечными тренировками. Можно заставить тело князя Трубецкого прыгнуть через стол на французского капитана, но как оно поведет себя после этого… Главное в такой ситуации вовсе не сила, гораздо важнее – скорость, в том числе – скорость принятия решения и скорость подчинения тела.

– Жан. – Капитан задумчиво постучал указательным пальцем по дощатой столешнице. – Отведи господина ротмистра на двор… У дверей дежурит Стась, вот вместе с ним проследите, чтобы господин ротмистр… чтобы все у него было хорошо. Он немного выпил… Руки можно не связывать.

Это он напрасно изощряется в красноречии – ротмистр французского языка не знает, подумал Трубецкой. И насчет связанных рук – капитан тоже как-то не подумавши. Со связанными руками ротмистр, пожалуй, не справится…

– Алексей Платонович, – сказал Трубецкой. – Капитан просит сержанта вас проводить и говорит, что на крыльце еще и поляк, Стась, караулит. Вы поняли меня?

– Стась? – вроде как обрадовался ротмистр, вставая со скамьи. – Хороший мальчик. Послушный сын достойного отца…

– А вы полагаете, что он плохой сын? – спросил француз, глядя на исписанный лист бумаги перед собой на столе. – Если бы все было наоборот и это ваш ребенок готовился сражаться с врагом, вторгшимся на вашу родину… Вы были бы против того, чтобы он убивал оккупантов?

– Привязанных к столбу? – вопросом на вопрос ответил ротмистр. – Вы были бы счастливы, если бы ваш сын пытал и убивал людей, пусть даже оккупантов?

– Это не мой сын, – холодно произнес капитан.

– Вот вы и ответили на свой вопрос, – так же холодно отрезал Чуев.

Сержант распахнул перед ним дверь, Чуев кивнул и вышел из комнаты. Сержант подождал несколько мгновений, пока не скрипнула входная дверь в сенях, и вышел следом, держа вытащенный из-за пояса пистолет в опущенной руке.

Капитан встал из-за стола и прошелся по комнате, заложив руки за спину.

Он должен принять решение, это понятно. И он не в особом восторге от того, какое именно решение придется принять. Француз может говорить все, что угодно, но делать…

– Кстати, капитан, а как вас зовут? – спросил Трубецкой. – Я представился, ротмистр – тоже, я даже знаю, что вашего сержанта зовут Жан, а вот ваше имя…

Капитан дернул щекой и не ответил.

– У меня возникает странное ощущение, что по какой-то причине вы стремитесь сохранить инкогнито… – Трубецкой продолжал разминать руки, спрятанные под плащом. – Как

будто готовитесь совершить бесчестный поступок и боитесь, что слухи об этом распространятся…

Пальцами руки по очереди он прикасался к кончику большого пальца. Мизинец… безымянный… средний… указательный… И в обратном порядке. Быстро. Как можно быстрее…

Пальцы обеих рук работали безошибочно. Но это были пальцы, только пальцы… Несколько оборотов кистями рук – получается, гибкость вернулась, боли почти нет… Встать бы сейчас, проделать несколько упражнений, убедиться, что это вновь приобретенное тело слушается как родное…

– Ты должен как можно быстрее перестать противопоставлять себя этому телу, – сказал Дед. – Перестань думать о нем как об угнанном автомобиле. Это не твое сознание и чужое тело – это ты. Это ты, совокупность материи и мысли. Ты ведь никогда не разделял свое тело и свое сознание в обычной жизни? Вот и там не нужно этого делать. Чем быстрее ты это поймешь, тем больше шансов у тебя будет.

– Капитан Анри Люмьер, – сказал француз.

Не щелкнул каблуками, не кивнул, а просто произнес: капитан Анри Люмьер.

Здравствуйте, подумал Трубецкой. И вот мы снова возвращаемся к рассуждениям на тему допустимости активных и необратимых действий в прошлом. Убить случайно или специально предка значимого в будущем человека. Стендаль вот где-то в Великой Армии обретается, влепить ему случайно пулю в голову – и все, пойдет французская и мировая культура по другому пути. Во время бесед с Дедом такие вещи выглядели лишь фигурами речи, отвлеченными рассуждениями на тему воздействия на естественный ход истории. Можно ли убивать? Вот, скажем, придется все-таки с капитаном драться, а он – предок изобретателей кинематографа. Должно это останавливать Трубецкого?

Убить капитана, и первая кинопремьера пройдет не в кафе на бульваре Капуцинок в Париже, а года на два позже, в Лондоне или Берлине. И фильм будет называться не «Прибытие поезда», а «Приплытие парохода»…

Чушь какая-то.

Это во время трепа с Дедом все было прошлым. А сейчас… Сейчас – это самое что ни на есть настоящее, горячее, с пылу с жару… И даже если это приведет к каким-то там непредсказуемым последствиям через пятьдесят или сто лет – плевать. В конце концов…

Трубецкому уже приходилось убивать. Там, в своем времени. Да – в бою. Да – врага, да – своего современника, но… Нас ведь не смущает то, что, совершая в своей жизни те или иные поступки, мы изменяем будущее – не наступившее еще, но тем не менее… Вышел на улицу, повернул не влево, как планировал, а вправо – пошло изменение. Влепил пулю в темноте на звук, убил человека – пресек целую линию, тысячи… десятки тысяч его потенциальных потомков.

И это что, значит, что ничего нельзя делать? Опять чушь. Можно и нужно. И отсюда следует, что сейчас, в июне тысяча восемьсот двенадцатого года, нужно действовать исходя из необходимости, а не из боязни что-то там изменить… В конце концов, и сюда Трубецкой попал именно для того, чтобы изменить ход истории, чтобы привести ряд событий к другому финалу…

– Что? – спросил Трубецкой поспешно, поняв, что задумался и пропустил вопрос капитана.

– Так что же все-таки с вами случилось, подпоручик? – Капитан снова сел на табурет у стола, но перо в руки не взял – демонстрируя, что вопрос приватный, лично интересный.

– Я бы тоже хотел это знать, – пожал плечами Трубецкой. – Вот когда попаду в полк, найду сослуживцев и поинтересуюсь, как все вышло… и из-за чего…

– Когда попадете в полк, – кивнул капитан. – Когда закончится кампания… Вы так уверенно говорили о русских войсках в Париже, о Монмартре… Вы бывали в Париже?

– Учился.

– И у вас неплохой французский. – Капитан вздохнул. – И, насколько я знаю, многие русские офицеры говорят по-французски… некоторые даже лучше, чем по-русски… Вы одеты на французский лад, едите блюда, приготовленные французскими поварами, армия ваша одета и обучена на французский манер, даже марши ваши оркестры теперь играют французские… Император громил ваши армии несколько раз, и даже маршалы прекрасно справлялись в его отсутствие, но, несмотря на все это, вы мне рассказываете о русских пушках на Монмартре… Уверенно так рассказываете, будто вам открыто будущее… И вы, кстати, не первый такой русский, с которым я разговариваю на эту тему…

– Но ведь вы тоже уверены…

– У меня есть к тому основания, – сказал капитан. – А у вас – ничего, кроме благих намерений… Вы действительно полагаете, что ваш приятель-ротмистр будет водить своих гусар в атаку на Елисейских Полях?

– А вы точно уверены, что его до смерти запытают ваши друзья поляки? – осведомился Трубецкой. – Вы точно уверены, что из их дружелюбных рук Алексей Платонович живым не выберется? Да и я тоже останусь где-то здесь? Нас… то, что от нас останется, зароют где-то под кустом. Вы ведь так видите наше будущее? Какие атаки на Елисейских Полях, господа? Так ведь?

Капитан отвел взгляд. Не совсем конченый подлец этот штабной офицер, испытывает неловкость, когда его тычут физиономией в дерьмо.

– Не стесняйтесь, месье Люмьер, война требует крови и мучений, не так? Вы передадите меня этим волчатам и старому, покалеченному волку. Збышеку, если я не ошибаюсь… И этот урод…

– Урод? – вскинул голову капитан. – Вы знаете, отчего он так уродлив? Ему не повезло – он попал в руки казаков пятнадцать лет назад, во время очередного восстания. Прикрывал бегство мирного населения из Варшавы, был пленен. Он и несколько десятков повстанцев. Вы себе представляете, что сделали казаки, заполучив в свои руки взбунтовавшихся ляхов? Да еще тех, которые отправили на тот свет несколько десятков станичников – так, кажется, казаки называют друг друга? И вот тут Збышеку повезло – он выжил, несмотря ни на что. Выжил и сбежал, перегрыз горло своему конвоиру – и сбежал. Полагаете, он должен испытывать нежные чувства по отношению к русским офицерам… просто к русским?

– Но ведь его пытали казаки…

– Но позволили им это делать русские офицеры! Он потерял семью, потом прибился к пану Комарницкому, стал воспитателем его сыновей…

– Ну да, теперь он их научит всему…

В сенях что-то загрохотало, выругался ротмистр Чуев, распахнулась дверь, и гусар шагнул в комнату.

– Темно на дворе – хоть глаз выколи, – сообщил гусар, присаживаясь к столу. – В сенях на бочку налетел, ковш какой-то на голову свалился… Дикость и варварство, между прочим…

Вошел сержант, стал у дверей.

– А ляхи в конюшне нас ждут, – сказал ротмистр. – Я мельком глянул: костерок зажгли, в него какие-то железки сунули, накаляют. Веревочку через перекладину бросили – вроде как дыба… На меня оглянулись – разве что облизываться не стали… Ждут.

Капитан встал из-за стола – немного резко, словно отшатнулся… или испугался. Подумал, что после этих слов ротмистр бросится на него, но тот только вздохнул укоризненно.

– С другой стороны – слова лягушатник не давал… Все вроде честно и благородно…

Сержант одним движением выхватил пистолеты из-за пояса, направил их на русских. Капитан положил руку на рукоять своего пистолета.

– И чего тогда, спрашивается, нам все рассказывать? – Ротмистр толкнул локтем Трубецкого. – Чего это я им помогать буду? Пусть постараются, пусть вытаскивают из меня секреты… Ты как, Сергей Петрович, муки выдержишь? Огнем, раскаленной железкой? Дыбой? Вот, кажется, ничего такого в дыбе нет: веревочка через балку, руки за спиной связывают да этой веревочкой вверх тянут… А мало кто выдержит такую муку. Суставы выворачиваются, жилы скрипят да рвутся… Фу! Ты как – со мной, на мучения, или вежливую беседу продолжишь?

– Руки! – выкрикнул капитан, увидев, что гусар потянулся к столу.

– А не пошел бы ты к черту, друг любезный? – осведомился Чуев и взял со стола бутылку. – Уж выпить-то вы мне не помешаете?

Ротмистр выдернул пробку, понюхал горлышко и передернул плечами.

– Конечно, лучше бы шампанского выпить напоследок… Или паленки, но… – Гусар вылил содержимое бутылки в кружки себе и Трубецкому. – Отходную, как говорится?

– Я, пожалуй… – медленно протянул Трубецкой, принимая кружку. – Пожалуй, я с вами на пытку. Не пробовал никогда, интересно даже – справлюсь или нет…

Он врал, был у него в прошлой жизни такой неприятный опыт – и огонь, облизывающий кожу на руках, и лезвие, рисующее на груди затейливый узор. Тогда он выдержал. И даже выжил.

– Едкая гадость, – сказал Трубецкой, поднося кружку к губам. – Можно жемчуг растворять…

– И то верно, – согласился ротмистр. – Но ведь где наша не пропадала, князь? Ты как знаешь, а я…

Трубецкой одним движением руки сбил свечу со стола и, рухнув спиной на пол, быстро перекатился в сторону и встал на ноги. Получилось не так чтобы очень ловко, но ведь получилось же, не подвело новое тело.

Что-то крикнул сержант, грохнули сдвоенные выстрелы, пистолеты выбросили снопы огня. Пули ударили в глиняную стену, выбив сухие комья. Звук удара – чем-то твердым по мягкому. Ротмистр был ближе к сержанту, получалось, что с ним Чуеву и разбираться. А Трубецкому нужно найти капитана…

Было темно. Вдобавок к погасшей свече клубы порохового дыма заполнили комнату, превратив мрак в непроницаемую темноту. Трубецкой замер, вслушиваясь.

У капитана был пистолет, и если ошибиться, то Люмьер может всадить пулю… Тут всего-то пара шагов до него. Сержант свои разрядил, и сейчас с ним, кажется, борется ротмистр. Точно, борется. Не получилось вырубить с одного удара. Чем он там бил – бутылкой? Скамейкой? Попасть попал, но не оглушил.

Трубецкой левой рукой бесшумно снял с плеча плащ.

– Да господа бога… мать богородица… – сдавленным голосом выкрикнул ротмистр, противник ему достался неприятный, живучий и, наверное, умелый.

Глухой удар. Еще один. И еще…

От порохового дыма першило в горле, Трубецкой с трудом сдерживался, чтобы не закашляться. Нужно что-то решать… Скоро – очень скоро – на выстрелы в дом прибегут поляки, и тогда… тогда…

Слева от стола послышался щелчок. Капитан взвел курок. Все-таки кабинетная работа его подвела. Сержант держал оружие взведенным, поэтому смог выстрелить сразу, а капитан теперь был вынужден выдать свое местоположение…

Взмах плащом, ткань хлестнула капитана по лицу… по голове… пусть даже по руке – Трубецкой не мог разобрать, куда именно попал, но это было неважно, важно, что попал хоть

куда-то. В темноте ведь не разберешь – что именно или кто ударил тебя, ты всматриваешься и вслушиваешься в темноту, понимаешь, что ошибка может стоить тебе жизни – одна крохотная ошибка, – а тут вдруг удар… толчок, прикосновение… А у тебя в руке – взведенный пистолет, а в крови – адреналин, и тело готово реагировать на опасность, не дожидаясь команды мозга…

Палец на спусковом крючке дернулся, вспыхнул порох на полке, грохнул выстрел… в замкнутом пространстве комнаты прогремел словно пушка… максимум, что смог сделать капитан, – это направить ствол пистолета в сторону врага… туда, где, как казалось капитану, стоял его враг…

Стоял, только на коленях, пригнувшись.

Пуля пролетела над самой головой, Трубецкой рванулся вперед, подхватывая край столешницы, опрокинул, поставил стол на ребро, а потом, выкрикнув что-то, приподнял и толкнул его вперед, припечатывая француза к стене возле окна. Капитан тоже закричал, но ни увернуться от удара, ни остановить его не смог.

Трубецкой прыгнул вперед, вытянув руки, вцепился левой рукой в плечо Люмьера… правой – за волосы, рванул на себя… Француз закричал от боли, попытался ударить, но не попал, кулак лишь слегка задел щеку подпоручика.

Еще один удар, на этот раз точнее, в висок.

Трубецкой рванул капитана за волосы, ударил затылком о стену. Еще раз. И еще раз. И еще… Капитан уже не сопротивлялся, а Трубецкой все бил и бил, потом, спохватившись, отпустил его – француз подался вперед и повис на столе.

Сабля. Трубецкой лихорадочно шарил по телу француза. Где она? Ремень, ножны… Пальцы наконец сжали рукоять, сабля скользнула из ножен, и Трубецкой шагнул туда, где ротмистр дрался с сержантом.

Стоны, звуки ударов, хриплое дыхание. Трубецкой протянул левую руку в темноту, пытаясь нащупать дерущихся, получил удар ногой и чуть не выронил саблю.

– Ротмистр! – выдохнул Трубецкой. – Где вы?

Хрип со стоном.

– Ротмистр!

– Внизу… – смог выдохнуть Чуев. Прохрипел.

Трубецкой упал вперед, на дергающиеся в драке тела, вцепился в верхнее, нашарил горло и сдавил.

Француз ударил локтем, попал в скулу.

– Мать твою! – вырвалось у князя.

Он ударил рукоятью сабли, гардой. Снова ударил.

Француз выругался, мотнул головой назад, пытаясь достать противнику ударом затылка в лицо, но не попал, рука Трубецкого сорвалась с горла сержанта, скользнула вверх, ко рту, и сержант тут же вцепился зубами в ладонь князя. Теперь закричал подпоручик, потянул на себя голову француза и лезвием сабли с силой провел по напрягшемуся горлу. И еще раз.

Тело француза дернулось, зубы стиснули ладонь Трубецкого и разжались. Князь оттолкнул сержанта от себя и встал на ноги.

В сенях что-то гремело.

– Чтоб тебя!.. – простонал ротмистр. – Как мне это все… Чтоб тебя…

– Поляки… – прохрипел, задыхаясь, Трубецкой. – Поляки…

– Сам… сам знаю… – Ротмистр толкнул чем-то Трубецкого. – В сторону, князь! На ту сторону двери…

Трубецкой увидел, что в щели под дверью мелькнул оранжевый отсвет – кто-то из поляков принес факел. Трубецкой стал около двери, прижавшись спиной к стене.

– Пан капитан! – крикнули из-за двери.

Судя по голосу – старший из братьев.

– Да… – ответил Трубецкой по-французски. – Русские пытались бежать…

– Помочь, пан капитан?

Трубецкой на секунду задумался: звать? Сказать, что помощь не нужна? Что поляки примут, а что их насторожит?

– Мать твою! – заорал вдруг ротмистр. – Курва французская! Я тебя! За князя! Мальчишку убил, лягушатник…

Дверь распахнулась, на пороге стоял Стась с пистолетом в правой и факелом в левой руке.

– Пан капитан…

Трубецкой замахнулся саблей от левого плеча, но ротмистр успел раньше. Стоя на коленях у самого порога, он не ударил, а ткнул, сунул клинок сабли мальчишке прямо под кушак. И, вставая на ноги, распорол тому живот.

Стась замер, слабо вскрикнув, ротмистр взял у него из руки пистолет и оттолкнул тело в сторону, припечатав выпавший факел ногой к полу. Снова стало темно.

– Нет… – крикнул Чуев и через несколько мгновений повторил, но уже гораздо тише. – Нет…

Захрипел жутко, словно горлом у него пошла кровь.

Трубецкой двинулся вслед за ротмистром через сени к выходу.

Перед самой дверью гусар замер, и Трубецкой натолкнулся на него.

– Что-нибудь по-французски… – прошептал Чуев. – Как бы не стрельнули…

– Жан! – негромко крикнул Трубецкой. – Открой дверь… Тут дышать нечем…

Ротмистр толкнул князя в сторону от дверного проема, сам упал на колено и толкнул дверь.

Оба поляка стояли перед крыльцом, Збышек навел свой гигантский кавалерийский пистолет левой рукой, в правой была сабля. Штефан целился из штуцера. Фигуры были едва различимы в неверном свете факелов, падающем из открытой двери конюшни.

Ротмистр выстрелил.

Вспышка на мгновение ослепила Трубецкого, и он не рассмотрел, попал Чуев или нет. Через секунду грянул выстрел в ответ, пуля ударила в притолоку.

– Вперед! – крикнул ротмистр, выкатываясь из двери.

Второго выстрела не было, кто-то из поляков не выстрелил сразу и теперь вполне мог всадить пулю в подбегающего противника.

Под ногами скрипнули ступени крыльца, одна доска просела, и Трубецкой чуть не упал, с трудом сохранил равновесие.

– Мальчишку бери! – крикнул ротмистр, бросаясь на Збышека. – Мальчишку…

Сталь лязгнула о сталь, краем глаза Трубецкой заметил искры, отлетевшие в стороны от ударившихся клинков, но князю было не до того – Штефан собирался стрелять. Ствол штуцера он почему-то перед этим опустил, а теперь медленно поднимал оружие навстречу набегавшему Трубецкому. И делал он это почему-то одной рукой – правой.

Наверное, пуля все-таки задела его левую руку, мелькнуло в голове Трубецкого. Нет, не успеешь… не успеешь…

Штефан выстрелить и не успел, смог только подставить ствол штуцера под удар сабли, рывком отвел ее в сторону, отступил. Парень не запаниковал, не струсил, просто штуцер был слишком тяжел, чтобы управляться с ним одной рукой.

Трубецкой ударил снова, и снова клинок скользнул по стволу штуцера. Штефан отпрыгнул, уронил штуцер на землю и одним отработанным движением выхватил из ножен свою саблю. И сразу же ударил слева направо, наотмашь. Трубецкой отбил удар, ушел в сторону, ударил в свою очередь, не попал – лезвие свистнуло над самой головой пригнувшегося поляка.

Словно огнем коснулись левой руки, над локтем – Штефан умудрился ударить два раза подряд, а Трубецкой позорно прозевал этот выпад, отскочил назад, пропуская очередной удар перед собой.

Парень неплохо фехтовал, сабля летала в его руках, меняя направление ударов, перетекая из хлестких взмахов в резкие выпады.

Все вокруг исчезло для Трубецкого, ничего вокруг больше не было – только клинок, вылетающий из темноты, и серый силуэт противника на черном фоне леса. Удар-удар-удар-удар-удар… Рука начинала неметь, пальцы, сжимавшие рукоять, теряли чувствительность, запястье на каждое движение отвечало тупой болью – князь, похоже, не был заядлым фехтовальщиком, не особо утруждал себя упражнениями. И теперь… удар – отскок – уход в сторону – удар… и теперь за это придется расплачиваться новому обитателю тела… и… наклон-выпад-уход-наклон… черт-черт-черт… Снова лезвие чужой сабли скользнуло по руке Трубецкого, неглубоко, но ощутимо…

Трубецкой закричал, опускаясь на колено, выругался со стоном и опустил саблю.

Штефан что-то выкрикнул, бросился вперед, замахнулся – он слишком хотел убить своего врага. Слишком хотел, забыл о старом правиле, о том, что тяжелораненого врага добивать не нужно, достаточно выждать, когда тот истечет кровью сам. Ему об этом неоднократно говорил Збышек, и отец многократно повторял, но этот московит, который, возможно, убил брата, подставился под удар, к тому же пуля пробила Штефану левое плечо и срочно нужно было перевязать рану… И московит опустил оружие и склонил голову, словно на плаху… одним ударом все можно закончить… одним ударом…

Штефан ударил. Сверху вниз, заходя чуть справа от коленопреклоненного московита. Отблески света из конюшни освещали открытую беззащитную шею. Удар – но рука вдруг замерла в воздухе, Штефан рванулся, но русский держал крепко, его пальцы сомкнулись на правой руке парня, чуть пониже запястья.

– Нет… – вырвалось у поляка.

И огненный клинок коснулся его правой подмышки, рассек плоть, разрезая мышцы и сухожилия.

Глаза московита перед самым лицом. Огонь, горящий в его зрачках. Его дыхание на лице.

Трубецкой широким движением от левого плеча почти отсек руку поляка, оттолкнул его и ударил по лицу, крест-накрест, толкнул ногой, воткнул саблю в грудь уже падающего, отпустил рукоять и обернулся к ротмистру.

Тот отступал к дому, с трудом отражая удары старика. Гусар уже не ругался, только тяжело дышал. Искры отлетали от клинков сабель, быстро гасли в полете. Чуев пока еще держался, но такой темп долго не выдержать, кто-то из противников скоро не сможет работать в таком темпе и допустит всего одну ошибку…

Трубецкой поднял с земли штуцер, тронул пальцем курок, проверяя, взведен ли, шагнул вперед, приставил ствол к голове поляка и выстрелил так, чтобы случайно не задеть Чуева.

Кремневое оружие очень капризно, после того как Штефан выронил штуцер на землю, тот вполне мог не выстрелить – порох с полки мог осыпаться, мог вылететь кремень из замка, и тогда выстрела бы не получилось… Трубецкой был готов к этому, был готов отскочить в сторону и ударить штуцером как дубиной.

Но штуцер выстрелил.

Грохот, слепящая вспышка, звук падения тела на землю.

– Господа бога… душу… – пробормотал ротмистр, опускаясь на землю. – Совсем меня этот старик… совсем уже почти…

От выстрела волосы на голове мертвого Збышека загорелись, несколько огоньков поползли по прядям, отражаясь в черной крови, вытекающей из проломленного пулей черепа.

Ноги поляка дергались, словно тот пытался ползти к своему врагу, чтобы продолжить схватку, пусть без оружия – вцепиться зубами в глотку. Пальцы разжались и царапали рукоять выпавшей сабли.

Ротмистр лег на спину и тяжело дышал, пытаясь восстановить дыхание. Трубецкой присел рядом, опершись на штуцер.

– Как-то вы… как-то вы, господин ротмистр, не слишком ловкий фехтовальщик…

– Так то ж поляк… Их же… их же с детства… Лучшая конница в мире… раньше была… – Ротмистр сел. – Да и как мы рубимся… Сшиблись, ударили раз-другой, разлетелись… Снова сшиблись… В седле ведь не пофехтуешь… когда в строю… да.

Сзади донесся стон, Трубецкой оглянулся – Штефан пытался встать, перевернулся на живот, подтянул ноги. Обе руки его были ранены, обильно текла кровь, но парень упрямо пытался встать.

– Перевязать мальчишку нужно… – сказал ротмистр. – Истечет кровью…

– Ага, – кивнул Трубецкой. – Я сейчас…

Он встал, уронив штуцер, подошел к раненому, поднял с земли саблю.

– Я сейчас. Помогу…

Замахнулся и быстро ударил саблей поперек шеи. Ударил и протащил клинок, будто мясницкий нож. Толкнул поляка ногой в бок и ударил снова – по горлу. Отрубить голову не получилось.

– Жаль, – сказал Трубецкой.

– Ты что – с ума сошел? – Ротмистр подошел к Трубецкому. – Ополоумел совсем? Он же… Как же это – раненого добивать?

– А он твоих гусар? Как ты говорил, Алексей Платонович? Одному горло перерубил, а второму живот проткнул да кишки на саблю мотал? – Трубецкой прикоснулся острием клинка к животу поляка, словно и сам собирался проделать такое же упражнение с мертвецом.

Чуев ударом ноги отбил саблю в сторону.

– Как там звали твоих гусар? – выпустив рукоять сабли из пальцев, спросил Трубецкой. – Марьев и Соловьев?

– Марьин, – поправил ротмистр.

– Да, Марьин. Их он пожалел, этот мальчик? Он бы тебя пожалел? Или меня? Ты же сам сказал, что они пытать нас хотели… Хотели?

– Пошел ты… – пробормотал ротмистр. – А если хотели, то что? Что из того, теперь ведь… теперь ведь уже не могли они… мальчишка этот не мог…

– Теперь – точно не может. И не сможет в будущем… – Трубецкой усмехнулся, провел рукой по своему плечу и зашипел, зацепив пальцами раны. – Достал он меня… Не сильно, но достал…

– Дай посмотрю. – Ротмистр схватил Трубецкого за руку и потащил к конюшне, на свет. – Нужно промыть и перевязать…

– Да ничего страшного, – сказал князь. – Ерунда.

Потом вдруг подумал, что его противостолбнячные прививки остались в другом теле, в будущем. И там же антибиотики, если в ране начнется заражение. Смешно может получиться, подумал Трубецкой. От малейшего пореза… От простуды… от банального отравления несвежей водой… Был великий преобразователь истории – и нет его. Обидно будет…

– Кстати. – Трубецкой остановился. – Сходи в дом, Алексей Платонович. Посмотри, как там капитан. Я его головой о стену несколько раз приложил: убил, не убил – не знаю. Как бы не очнулся мусью…

– Сейчас, ты вот посиди, а я быстро. – Ротмистр устроил Трубецкого на куче сена в углу конюшни, а сам побежал к дому, взмахнув на бегу саблей.

– Холодно, – сказал Трубецкой вслух. – Я ведь в одном белье…

Левый рукав рубахи был дважды рассечен, кровь пропитала тонкое полотно, стекала по руке и каплями срывалась с кончиков пальцев.

Трубецкой осторожно приподнял край разреза, посмотрел на рану. Не очень глубокая. Саблей нужно постараться, чтобы нанести глубокую рану. Вон как Трубецкой постарался…

Босые ноги были испачканы землей и кровью. Кальсоны в крови.

– Ну хоть не обгадился, – сказал Трубецкой и засмеялся.

Прекратить. Нужно прекратить эту истерику. Успокоиться. Замолчать и успокоиться. Нужно как-то обработать раны. Потом найти одежду. Потом… Потом будем решать, что делать дальше. Сейчас он вроде бы выжил, нужно сосредоточиться на этом. Можно отправиться вместе с ротмистром вдогонку за отступающей Первой армией. А там уж…

Там Трубецкого поставят в строй. В стрелковую роту или в лучшем случае адъютантом при штабе. Одним из сотен и тысяч младших офицеров русской армии. И что дальше? В настоящей истории, в той, которую он изучал, Трубецкой выжил, отделался легкими ранениями, закончил кампанию с орденами и в званиях… А что будет сейчас? Ведь реакции Трубецкого изменятся… И нет гарантии, что получится разминуться с пулей или ядром.

Трубецкой в той, прошлой, жизни никогда не считал себя трусом, да и не был трусом на самом деле, но это совсем разные смелости… смело прокрасться в лагерь террористов, сняв часового, и заложить мину под ящики с боеприпасами… или стоять в плотном строю под огнем пушек, видеть, как ядра скачут по земле, вздымая фонтаны земли, как прорубают просеки в этом самом строю – и не бежать, не кланяться пулям, идти, сжимая шпагу, навстречу частой линии штыков… Совсем другая смелость нужна. Совсем другая…

– Ты убил его, Сергей Петрович. – Ротмистр укрыл Трубецкого принесенным плащом. – Весь затылок ему разбил, места живого нет…

– Хорошо, – сказал Трубецкой.

– Хорошо, – кивнул ротмистр. – А еще самогон в кружке остался, не поверишь. Я свечу зажег, капитана посмотрел, сержанта этого, потом глядь, а кружка стоит посреди этого разгрома… Не разбилась, а в ней – до половины сивухи. Чудо, право слово. Такой разгром, а кружка… Расскажу в полку – не поверят… Ты, подпоручик, кричать захочешь – кричи, не стесняйся…

Ротмистр осторожно разорвал рукав на рубашке Трубецкого, открыл раны, тонкой струйкой вылил на них самогон из кружки – князь застонал, дернулся, но руку не убрал.

– Молодец! Будто и не гвардеец вовсе, а даже наоборот – гусар! – похвалил ротмистр и допил остаток самогона из кружки.

– Будто в гвардии нет гусар… – сказал Трубецкой, когда ротмистр стал перевязывать его раны обрывками рубахи.

– Есть, только разве ж то гусары… – Чуев хмыкнул.

– Настоящие – только в Изюмском полку… – улыбнулся Трубецкой.

– Отчего же? Еще в Ахтырском немного, – ничуть не смутившись, сказал ротмистр. – Но ты прав, Сергей Петрович, настоящих гусар немного. Настоящий гусар – он…

Ротмистр пошевелил пальцами в воздухе, словно не мог подобрать нужного определения.

– Если гусар не убит до тридцати лет, то он не гусар, а дрянь, – сказал Трубецкой. – Вам сколько лет, Алексей Платонович?

– Тридцать два. И кто же это такую чушь, разрешите поинтересоваться, сказал?

– Француз. Кто говорит – генерал Лассаль, кто – маршал Ланн… Только Ланн вроде сказал, что дерьмо.

– Дурачье! А сами-то живы?

– Нет. Один погиб в тридцать четыре, другой в сорок.

– Я и говорю – дурачье! Храброго гусара бог хранит. А молодыми забирает к себе лучших. Ладно, разболтались мы с тобой, Сергей Петрович. Ты в седле ехать сможешь?

– Конечно.

– Вот и ладно. Сейчас тебе одежку подберем, обуем, да в седло, да за нашими вдогон… Было бы время – я бы к пану Комарницкому заехал, расплатиться за гостеприимство…

– Так заедем, – предложил Трубецкой. – Чего тянуть?

– Тебе-то зачем? Тебя-то там не было…

– А пусть расплатится. Очень деньги нужны, поиздержался я.

Чуев засмеялся, думая, что Трубецкой шутит.

Глава 03

Быстро уехать со двора мызы не получилось. Вначале ротмистр совсем уж было собрался уезжать верхом, на польских конях, но потом, обследовав повозку Комарницких, обнаружил, что в ней лежат припасы: копченое мясо, несколько свежих еще хлебов, мука, крупа, бутыль какого-то масла и пара фляг с бимбером. Чуев из одной отхлебнул и остался доволен – не та пакость, которой их потчевал французский капитан, а вовсе даже недурственно.

– Вполне приличный бимбер, можно сказать, даже хороший, нас пан Комарницкий не раз таким угощал, – с одобрением в голосе сказал гусар, вытирая усы. – И бросать провиант будет неправильно, когда еще сможем добыть другой… Путь до Дриссы неблизкий.

– Поехали в телеге. – Трубецкой осторожно потрогал повязку на ранах, не то чтобы болело, но зудело и намекало, что боль не исчезла, а временно отступила и обязательно вернется.

Резаные раны не слишком опасны, но довольно болезненны. А сивуха не лучшее дезинфицирующее средство. Антибиотики – в прошлом… в смысле – в далеком будущем, и любое воспаление может обернуться гангреной или заражением крови. И еще есть такая штука, как столбняк. У Трубецкого, естественно, были сделаны прививки… через два века будут сделаны, в следующем тысячелетии. Это же тело в лучшем случае привито от оспы… Если привито. Екатерина Великая пыталась вводить это замечательное новшество, даже сама сделала прививку, но вовсе не факт, что Трубецкие доверяли какой-то там медицинской гадости больше, чем нательному крестику да молитве.

Крестик, во всяком случае, на шее висел. Даже те, кто обирал бесчувственного князя, на него не позарились. Свои, наверное, промышляли, православные.

– Ладно, – пробормотал Трубецкой, – живы будем – не помрем…

Ротмистр принес одежду и обувь. Чистую, без крови, присмотревшись, понял Трубецкой с облегчением. Достал, наверное, из запасных вещей поляков – Стась фигурой был похож на Трубецкого, поэтому его одежда подошла, вплоть до нижнего белья, все было простым, но удобным и прочным. Впору оказались даже сапоги.

Сам ротмистр переодеваться не стал. Доломан гусара был залит кровью, но Чуева это не смущало, он просто не обращал на это внимания. Его вполне устраивало то, что это не его кровь, а противника. А мундир снимать и в статское переодеваться – недостойно это офицера. Нет, к Трубецкому это отношения, конечно, не имеет, у него ситуация, извиняюсь, совсем даже другая, не голым же, прости господи, по здешним лесам и оврагам шастать… А вот если мундир есть – пусть даже и в крови, – то снимать его офицеру невозможно. Мундир – это не просто так, это вам не машкерадный костюм, господа…

– Знаете ли вы, Сергей Петрович, почему у изюмских гусар красный доломан? – как бы между прочим спросил у Трубецкого Чуев. – Не синий, не зеленый, а именно красный?

Старая шутка, подумал Трубецкой, только слышал ее он раньше про красные рубахи гарибальдийцев, чтобы крови не было видно при ранении. Было еще продолжение про Муссолини…

– Полагаю, потому, – сказал князь, – почему нет у гусар коричневых чекчир…

Ротмистр задумался, пытаясь сообразить, о чем это подпоручик и не попрание ли это чести изюмских гусар, но потом на лице Чуева появилась улыбка, расплывавшаяся все шире и шире, от уха до уха.

– А ты, брат, острослов! – Гусар хлопнул Трубецкого по плечу. – Гусарам коричневые чекчиры и впрямь ни к чему… Придумал ведь…

Гусар покачал головой, потом спохватился, оглянулся почему-то на дом и снова стал торопить Трубецкого с отъездом:

– Береженого, как говорится… – Ротмистр помог Трубецкому встать и медленно, но настойчиво повел его к повозке поляков. – Хорошо, что ляхи коней не распрягли…

– Хорошо, – подтвердил князь. – Только чего мы так торопимся? Ведь ночью можем заблудиться… Или телегу перевернем. Когда сюда ехали – все время колеса по выбоинам да по корням стучали. Сломаем колесо – и все, дальше придется верхом… И припасы бросим…

– А мы не быстро поедем, – пообещал ротмистр. – Потихоньку, полегоньку… Я коней поведу, пойду впереди повозки, а там уж и рассвет скоро… Сколько той ночи…

Часам к четырем и рассветет, подумал Трубецкой, это правда. Тогда вообще непонятно – зачем выезжать затемно. Передремнуть оставшееся время, а потом – без опаски поломки и как можно быстрее…

– Давай-давай… – Ротмистр подсадил князя в телегу. – Справишься, ваша светлость, с вожжами? Как думаешь?

– Справлюсь. А может, пистолеты и штуцер сразу зарядим? Нехорошо с разряженным оружием… – Трубецкой внимательно смотрел в лицо ротмистра, пытаясь понять, чего это гусар так суетится. Взрослый, бывалый человек, а ведет себя будто нашкодивший мальчишка, глаза вот опускает, время от времени бросает быстрые взгляды на избу и тут же, словно обжегшись, отводит их.

– Зарядить? А, да, нужно зарядить, это вы правильно сказали, князь. Я… – Ротмистр огляделся по сторонам. – Потом и зарядим. Как рассветет, так и зарядим… Ночью-то, один пес, никуда из пистолета не попадешь, разве что себе в ухо… Я порох и пули вот на передок бросил, пистолеты положил… и поляков, и французов… Чего тут в темноте возиться? Вот солнце встанет…

И взгляд на избу. И виноватый взгляд на князя. И сообразив, что попался, ротмистр вздохнул тяжело и почесал в затылке.

– Живой? – спросил князь.

– Кто?

Трубецкой молча смотрел на ротмистра.

– А… Французик этот? Так помирает. Я глянул – он уже хрипит. Ручкой эдак дергает… ногой опять же… Агония – как есть агония…

– Что ж вы мне сказали, что убил я его? – ласковым тоном поинтересовался Трубецкой. – Нехорошо…

Князь спрыгнул с телеги, взял саблю, которая так и лежала без ножен, и пошел к конюшне.

– Так чего время терять? – воскликнул гусар. – Ну не помер он – чего возиться? К утру дойдет. К утру все раненые помирают… кому суждено… А мы что – ждать его последнего вздоха будем? Много чести лягушатнику, честное благородное слово! Исповедовать да соборовать мы не сможем – и я не поп, и он, поди, безбожник. Поехали, князь, а?

Трубецкой взял один из заготовленных поляками факелов – они, наверное, собирались пытать московитов долго, факелов у стенки лежало много, – зажег от костра.

– Ну дался тебе этот капитанишка… – Чуев попытался заступить подпоручику дорогу, но тот, усмехнувшись, обошел его.

В неверном свете факела, бьющегося на ветру, лицо подпоручика вдруг показалось Чуеву старым… нет, даже не старым, а… древним, словно было молодому человеку на самом деле несколько тысяч лет, а не чуть более двух десятков, огоньки дрожали в его глазах, тени превращали это лицо в жутковатую маску варварского божества… И ротмистру Чуеву, человеку храброму и не суеверному, вдруг стало страшно, будто в глаза смерти заглянул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.